

Лауреат премии
Лучший роман
года

Он готов
пожертвовать всем ради ребенка.
Даже женой...

Муж напрокат,
или Откровения
верной жены

Диана
Чемберлен

Диана Чемберлен Муж напрокат, или Откровения верной жены

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6653490
Диана Чемберлен. Муж напрокат, или Откровения верной
жены: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70262-6*

Аннотация

Это была любовь с первого взгляда: Майя увидела, с каким вдохновением Адам работает, и поняла, что, если этот парень не станет ее мужем, она будет жалеть об этом всю жизнь. И Ребекке он сразу понравился.

Сестры Ребекка и Майя пережили в детстве страшную трагедию и с тех пор стараются во всем поддерживать друг друга. Неугомонная Ребекка не сидит на месте, а Майя поглощена бытовыми и семейными проблемами. Но в трудную минуту одна всегда готова помочь и даже подменить другую. Так ли безобидно это желание?

Содержание

Майя	4
Пролог. Майя	6
1 Майя	9
2 Ребекка	20
3 Майя	34
4 Ребекка	57
5 Майя	68
6 Майя	74
7 Ребекка	79
8 Майя	85
9 Майя	97
10 Ребекка	105
11 Майя	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Диана Чемберлен

Муж напрокат, или

Откровения верной жены

*Моей сестре, Джоан Лопрести Скэнлон.
Какое счастье, что мы есть друг у друга.*

Майя

Каждая семья может похвастаться своей историей. Пересказанная многократно, она кажется прочной и неизменной. Высеченной в граните. Вот самая суть моей семейной истории.

Мои родители пали от рук незнакомца в маске, который застрелил их на подъезде к дому.

Моя сестра Ребекка столь же прекрасна, сколь и неукротима. Она на редкость хладнокровна и независима до мозга костей. Ей не нужны другие, чтобы быть счастливой. Если что ей и нужно, так это опасность.

Сама я – спокойна, чувствительна, восприимчива и боязлива. В каком-то смысле полная противоположность своей сестры. Я нуждаюсь в защите и безопасности, а еще – в мужчине, который будет любить меня.

Беда лишь в том, что семейные истории чаще всего высечены не в граните, а на песке. Даже то, что мы считаем истинным – что мы думаем о себе, – не выдерживает пристального взгляда. Это ложь, которую мы рассказываем окружающим. Ложь, которую мы рассказываем самим себе.

Пролог. Майя

Я сразу поняла, когда папа свернул с улицы к нашему дому, расположенному в городке Аннандейл, штат Вирджиния. Я поняла это, хотя и лежала, свернувшись в клубок, на заднем сиденье машины. Я почти что дремала – такое вот полузабытье, в котором мне хотелось находиться вечно, лишь бы не думать о том, что я сегодня совершила. Дождь звонко стучал по крыше машины, но я услышала шуршание гравия под колесами и почувствовала знакомый толчок – дорога в этом месте проходила над сточной трубой. Вот мы и приехали. Сейчас мне предстоит открыть глаза, выбраться, невзирая на боль в теле, из машины и как ни в чем не бывало направиться домой. Нужно сделать вид, будто ничего не случилось, хотя в действительности мой мир лопнул, как мыльный пузырь. Так мне, по крайней мере, тогда казалось. Я и понятия не имела, что через считанные секунды привычный для меня мир действительно рухнет. И с этого момента все пойдет по-другому.

Отец вдруг резко нажал на тормоз.

– Что еще...

Я села, поморщившись от острой боли в животе. В свете фар мне удалось разглядеть маму, которая бе-

жала к машине, отчаянно размахивая руками. Никогда еще я не видела ее в такой спешке – с мокрыми растрепанными волосами, в мокром же платье, плотно облепившем ее бедра.

У меня тут же перехватило дыхание, а из груди вырвался слабый стон. *Она знает, решила я. Знает, где мы только что были.*

Мать распахнула дверцу машины, и я напряглась, ожидая нелестных слов.

– Трогай! – закричала та, запрыгивая на сиденье. – Назад! Скорей!

От нее явственно пахло дождем. *И страхом.*

– Что такое? – в изумлении уставился на нее отец. В моей памяти навсегда запечатлелся его профиль: очки в металлической оправе, римский нос с легкой горбинкой.

– Живей! – бросила моя мать.

– Да что такое...

– Трогай! О боже, вот и он! – она махнула рукой, и в свете фар мы увидели фигуру мужчины, направлявшегося прямо к машине.

– Кто это? – папа наклонился вперед, чтобы лучше разглядеть незнакомца. – Мне кажется... что это на нем, лыжная маска?

– Дэн, – мама потянулась к рычагу. – Давай же!

На тот момент сонливость с меня как рукой сняло.

Я ощутила приступ жуткого страха – еще до того, как разглядела ледяные глаза незнакомца. До того, как он поднял руку. Руку, в которой был пистолет. Я стремительно нырнула за водительское сиденье, прикрыв голову обеими руками, но даже мой вопль не смог заглушить грохота выстрелов. Это была целая канонада. Позже мне сказали, что он выпустил лишь пять пуль, но тогда мне казалось, их было пять сотен.

В мою память навсегда врезался грохот выстрелов, а еще – холодные глаза убийцы, четкий профиль отца и платье матери, облепившее ее бедра.

Ну и сестра.

Главным образом, моя сестра.

1 Майя

Даже не сосчитать, сколько раз я проходила мимо этого огромного здания на Центральном бульваре, так и не заглянув внутрь. Но сегодня мне все было нипочем. Все мамочки по соседству только и толковали о том, с какой скидкой тут можно купить замечательные вещи. Но я не нуждалась в скидках. Мы с Адамом и так могли позволить себе все, что угодно. Наш общий заработок – детского ортопеда и врача-анестезиолога – позволял не думать о деньгах. Стоило мне переступить порог магазина, как меня окутал запах лимонного масла. И только тут я поняла, почему я здесь. На ум пришла Кэти Уинстон, моя знакомая по клубу любителей книги. Это она в свое время взхлеб рассказывала о том, какую чудесную мебель для детской ей удалось обнаружить в магазине. Тогда она еще вынашивала своего первенца. Сейчас они с мужем поджидали уже третьего ребенка. *Наконец-то и мне повезло*, подумала я, оказавшись в просторном фойе, цементный пол которого устлали восточные ковры, а стены были расписаны алым и золотым.

У всех женщин, посещавших заседания нашего клуба, были дети. У всех, кроме меня. Что и говорить, относились они ко мне тепло и по-доброму, но я неиз-

менно чувствовала себя лишней, когда разговор переключался на детские колики, на проблемы ухода за малышами, а также на плюсы и минусы местного образования. Наверняка им казалось, что мне нет дела до подобных пустяков. Уже одно то, что я была доктором, выделяло меня из общей массы. В клубе бытовало мнение, что я осознанно предпочла карьеру материнству. В свою очередь, все мои сотоварки были домашними мамочками. Большинство из них работало до беременности, а кое-кто и по сей день продолжал трудиться на дому, но они все равно не считали меня своей. Думаю, они понятия не имели о том, как сильно мне хотелось вписаться в их круг, ведь обычно я держала свои чувства при себе. Но теперь уже в этом нет необходимости. При следующей встрече я обо всем расскажу своим соседкам. Надеюсь только, что смогу удержаться от слез.

Сегодня исполнилось ровно шестнадцать недель. Положив руку на округлившийся животик, я неспешно шла по проходу, мимо аккуратных отделочников, заполненных старинной мебелью и различными товарами ручной работы. Наконец-то я была в безопасности. Мы были в безопасности. Большинство пар ждет конца первого триместра, чтобы рассказать обо всем окружающим, но мы с Адамом убедились в том, что даже двенадцати недель бывает недостаточно. По-

следний раз я продержалась двенадцать недель и два дня. Тогда мы установили для себя новый рубеж – четыре месяца. Шестнадцать недель. А до этого никто ни о чем не узнает – разумеется, за исключением Ребекки. Лишь миновав шестнадцатинедельный рубеж, мы займемся обустройством детской.

С довольной улыбкой я шествовала по проходу, как какой-нибудь случайный посетитель. Некоторые отделы оказались до такой степени заполнены товарами, что не было никакой возможности протиснуться внутрь. Другие были обставлены в духе минимализма: полки, на которых красовалось по одному-единственному предмету. Там и сям виднелись вывески с названиями, что придавало этим скромным комнаткам вид настоящих магазинов. «Всякая всячина от Энджи». «Рукоделье Северной Каролины». «Товары на любой вкус». Покупателей тут, впрочем, можно было пересчитать по пальцам, а охраны и вовсе не наблюдалось. Пожелай ты сунуть в карман какой-нибудь пустячок, никто бы этого даже не заметил. Столь явное доверие к покупателям наполнило меня неожиданной радостью.

В одной из кабинок я пробежала пальцами по гладко полированной поверхности стола, а в другой не удержалась и потрогала стеганое одеяло. Проходя мимо очередной кабинки, я увидела там небольшой

столик с кофейником, черничными булочками и табличкой, надпись на которой гласила: «*Кофе бесплатно, булочки – 1,5 доллара каждая*». Здесь же стояла корзинка, в которой лежало несколько долларовых банкнот. Не удержавшись, я взяла с тарелки две булочки и бросила в корзинку чек на пять долларов. Затем я направилась дальше, чувствуя новый прилив радости. До чего же приятно, что вам доверяют в таких мелочах! Что за чудесный мир!

Мне вдруг захотелось позвонить Адаму, чтобы просто услышать его голос. Когда я в последний раз звонила ему безо всякой причины? Сам он с утра пораньше уехал в больницу, да и я весь день принимала в своем офисе пациентов. Если дела в операционной пойдут успешно, Адам вернется домой пораньше, и мы сможем поужинать в каком-нибудь ресторане. Нужно отпраздновать наш четырехмесячный рубеж. Ребенок должен был появиться на свет как раз к Новому году. Что может быть удачнее? Начало новой жизни для нас троих. Вот и с Адамом все должно наладиться. С тех пор как он узнал о моей беременности, в наши отношения закралась какая-то неловкость. По правде говоря, неловкость эта присутствовала там и раньше, но мы старались закрывать на нее глаза, поскольку не знали, как от этого избавиться. Но с сегодняшнего дня все изменится. За ужином мы обгово-

рим наше будущее, все те радужные перспективы, что замаячили наконец перед нами. Может даже, составим список имен – занятие, к которому прежде мы не осмеливались приступить. А потом вернемся домой и займемся любовью – совсем как в былые времена, пока это не превратилось для нас в очередную попытку зачать ребенка. Когда-то нам было хорошо в постели, и мне хотелось, чтобы время это наконец вернулось.

Чуть впереди, над входом в один из отделов, я увидела вывеску «Детская мебель» и тут же поспешила туда. Без сомнения, это было именно то место, о котором толковала Кэти. Стоило мне шагнуть внутрь, и меня окутало новой волной лимонного аромата. Помещение оказалось заставлено мебелью, но в размещении ее не было ничего случайного или хаотичного. Белые кровати, шкафчики и стулья располагались по одну сторону, светло-коричневые кровати, столики и качалки – по другую. Я задрожала от предвкушения, желая осмотреть все сразу. С каждой вещи свисала табличка, гласившая, что некоторые оригинальные детали были заменены – в связи с изменившимися требованиями безопасности. Убрали свинцовую краску. Сдвинули плотнее прутья на решетчатом ограждении кроваток. Что и говорить, вещи выглядели просто восхитительно. Хотя мы с Адамом так и не решились

переделать одну из спален в детскую, мы распланировали там все – вплоть до последней детали. Нам было проще представить роспись, которой мы украсим стены детской, чем самого ребенка. Но теперь все изменится.

Я провела в этом отделе почти час, впечатывая все необходимое в свой BlackBerry. Цены. Контактная информация, позволявшая связаться с хозяином магазинчика. Прочие мелочи. Наконец, с большой неохотой, я покинула это чудесное место. На покупку я так и не решилась. Не сейчас. Пока что я не готова была испытывать судьбу.

Когда родится малыш, мне будет почти тридцать пять. Поздновато для первенца, но меня это не слишком смущало. *Для первенца*. Потом, разумеется, будут и другие – один... может быть, два. Или целая куча, подумала я, вновь ощутив радостное головокружение.

* * *

Адам позвонил мне, когда я входила в дом.

– Я тут сегодня допоздна, – сообщил он. – Наметилась парочка срочных операций, так что я буду занят. Как ты, в порядке?

– Все замечательно, – ответила я, открывая зад-

нюю дверь и выпуская в сад Чонси. Лишь секундой позже я заметила четырех оленей, мирно жующих наши азалии. Чонси разразился бешеным лаем и устремился вниз по ступеням. Олени флегматично подняли голову и окинули его равнодушным взглядом. Они прекрасно знали, что бояться им нечего.

– Что с Чонси? – спросил Адам.

– Олени, – ответила я, предусмотрительно не упомянув про азалии.

Адам считал оленей очень милыми – до тех пор, пока дело не касалось нашего двора.

– Перекусишь в больнице? – поинтересовалась я, понимая уже, что праздничный ужин придется отложить на завтра.

– Да. – Последовала небольшая пауза. – Я буду работать сегодня с Лизой, – упомянул он свою коллегу, нашу общую приятельницу. – Как думаешь, могу я рассказать ей о Полливог?

Я улыбнулась. От отца ребенок должен был унаследовать фамилию Поллард, и пару недель назад Адам начал называть его – или ее – Полливог. Это значило, он проникся уверенностью в хорошем исходе. Я почувствовала легкий укол беспокойства при мысли о том, что муж расскажет обо всем Лизе, но тут же подавила в себе эти чувства: пора поделиться с миром нашим счастьем.

– Разумеется, – ответила я.

– Вот и славно. Давай посидим сегодня подольше, поболтаем до рассвета. Идет?

Конечно!

– Жду тебя с нетерпением, – сказала я.

Съев салат и покормив Чонси, я поднялась наверх и устроилась в комнате, которую мы собирались превратить в детскую. Пока что там не было ничего, кроме кресла-качалки. Плевать, если эта старая, потерянная штука окажется некстати среди мебели, которую я рассматривала сегодня в магазине. Еще моя мать укачивала и кормила в ней сначала Ребекку, а потом и меня. Это был один из немногих предметов обстановки, который достался мне от родителей. У Ребекки и вовсе не было ничего подобного. Она занимала комнаты на втором этаже дома, принадлежавшего Доротее Ладлоу, и вся ее мебель являла набор случайных вещей. Ребекка чаще всего находилась в разъездах, и ее мало беспокоили подобные пустяки. А вот я жалеяла, что нам не хватило предусмотрительности сохранить побольше вещей из родительского дома. Но в то время мы были еще подростками, и последнее, что беспокоило нас, – это мебель. Даже качалку я сберегла только потому, что меня убедила в этом женщина из социальной службы. Она заявила мне и Ребекке, что со временем эта вещица нам очень пригодится, а

у нас просто не было сил, чтобы спорить с ней.

Понедобнее устроившись в старом кресле, я мысленно заполнила комнату мебелью, которую видела сегодня в магазине. Она прекрасно впишется сюда, и еще останется место для фрески на стене. Я осторожно положила руки на живот. «Как думаешь, малыш, что мы там нарисуем? Животных? Что-нибудь вроде Ноева ковчега? Или лучше птиц и рыб?» *Надо же, я мечтаю*, мелькнула у меня мысль. Когда в последний раз я позволяла себе помечтать?

«Ты – редкая штучка, – сказал мне как-то Адам в самом начале нашего знакомства. – Наполовину доктор, наполовину мечтатель. Ученый и романтик в одной очаровательной упаковке». Как же прав он был, и насколько трудно бывало примирить между собой эти несхожие черты. Я с легкостью могла представить себя домашней мамочкой, вся жизнь которой вращается вокруг семьи и детей. С другой стороны, мне нравилась моя работа. И я понимала, что смогу совместить обе эти сферы. В течение следующих пяти месяцев я планировала продолжать свою врачебную деятельность – до тех пор, пока не настанет время рожать. В том случае, конечно, если с беременностью не будет никаких проблем. *Шестнадцать недель*. На этот раз все должно кончиться хорошо.

Перед сном я вывела Чонси на прогулку. На улицах было тихо и пустынно. Луна пряталась за серыми складками облаков, и в воздухе клубился легкий туман. Этот август выдался на редкость сырым. Проходя под очередным фонарем, я заметила, что шкура Чонси блестит от крохотных капель осевшей влаги. Дома на нашей улице представляли собой причудливую смесь стилей. Старинные кирпичные постройки, вроде нашей, соседствовали с современными жилищами. Густые заросли отделяли один участок от другого, а по обеим сторонам дороги тянулся длинный ряд деревьев. Обычно на вечернюю прогулку с нами ходил Адам, ну а сегодня в этой густой темноте мне было слегка не по себе. Чонси мирно брел рядом – крупный пес, не меньше ста фунтов. Помесь сенбернара и немецкой овчарки. Чонси отличался грозным видом и на удивление мирным нравом. Он обожал детей, и это стало одной из причин, по которой мы взяли его из приюта тремя годами ранее. Тогда мы еще не знали, что с детьми придется повременить.

Укол боли был еле ощутимым – любая другая на моем месте просто не заметила бы его. Но я уже испытывала раньше нечто подобное: кулак, медленно

и неотвратимо сжимающийся вокруг моих внутренностей.

«Только не это, – прошептала я. – Ну же, уходи».

Чонси вопросительно глянул на меня, и я прижала руку к губам, всем существом обратившись к этой еле уловимой боли.

Прошло или нет? Может, это мое воображение. Или что-нибудь с желудком – какой-то там пустячок?

Чонси прижался к моей ноге, и я опустила руку на его широкий лоб. Домой, подумала я. Нужно идти домой. Но ноги мои будто приклеились к тротуару. Новый укол – теперь уже ощутимее.

Дрожащей рукой я вытасила из кармана свой BlackBerry. Если операции уже прошли, Адам ответит на звонок. Но номер, который я набрала в телефоне, был номером моей сестры.

2 Ребекка

– Ты хоть знаешь, сколько мужчин с этой конференции побывало в твоей постели? – Доротея окинула взглядом просторный гостиничный ресторан, и Ребекка с раздражением последовала ее примеру.

– *Что?* – переспросила она. – Ну и вздор ты несешь. Тебе прекрасно известно, что спала я только с одним. С Brentом.

Brent, загорелый и светловолосый, сидел с компанией мужчин неподалеку от столика, за которым ужинали Ребекка и Доротея. Выглядел он как стареющий пляжный лодырь, но Ребекка знала, что своим бронзовым загаром Brent был обязан жаркому солнцу Перу, где он помогал жителям, пострадавшим от селя, а вовсе не пляжному безделью. Знакомы они были уже не первый год. При взгляде на Brentа она не ощутила укола желанья – одну лишь теплую симпатию, которую вызывает вид старого друга.

– Я не имела в виду на этой неделе. – Коса Доротеи скользнула в опасной близости от ее тарелки. – На конференцию приехало около двух сотен мужчин. Сколько из них побывало в твоей постели за все эти годы?

– Ты это серьезно?

Ребекка потеряла обнаженные руки. Этим утром она около часа тренировалась в спортзале гостиницы, и мышцы ее слегка побаливали.

– С чего вдруг это тебя заинтересовало? – Ребекка была без ума от Доротеи Ладлоу, но та порой доставала ее своими ехидными выпадами.

– Да так, любопытствую. Твое либидо меня просто поражает. Ты как колодец, который невозможно наполнить.

По правде говоря, Ребекке требовалось поразмыслить. Хорошо бы взглянуть на график конференции по оказанию помощи в кризисных ситуациях. Сюда, в Сан-Диего, Ребекка приезжала ежегодно на протяжении последних десяти лет. И теперь ей пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить всех, с кем она тут спала. Если ей не изменяет память, то на каждой конференции у нее было всего по одному партнеру... Не считая, разумеется, того года, когда она спала с педиатром из Калифорнии и невероятно сексуальным доктором из Гватемалы. Но то было лет десять назад. Ребекка тогда еще не перешагнула порог тридцати, и ее моральный кодекс не шел ни в какое сравнение с ее сексуальными аппетитами.

– Прошлой ночью Brent предложил мне стать его женой, – заметила она. – Парень совсем спятил.

Доротея удивленно вскинула брови.

– Хочет привязать тебя к себе, – хмыкнула она.

Брент прекрасно понимал, что представляла собой Ребекка. Ее невозможно было завернуть в аккуратную упаковку и заставить заниматься рутинной работой. Да он от нее этого и не требовал. Бренту, как и Ребекке, нравилось жить на краю. Вместе они ныряли в воды Флориды, кишевшие акулами. Вместе учились прыгать с парашютом. Вместе готовились к любительскому марафону. Трудно найти парня, который бы больше соответствовал ее образу жизни. Но замужество? Зачем ей это?

– Я сказала ему, пусть и не мечтает.

Доротей поворошила жареные овощи.

– Тебе кажется, ты знаешь, чего именно ты хочешь, детка, – промолвила она. – На самом деле ты только думаешь так.

– Какого дьявола ты имеешь в виду? – нахмурилась Ребекка.

Доротей пожала плечами, и Ребекке сразу стало ясно, что ответа она не получит. Свою собеседницу она знала, как никто другой. И когда та выставляла все свои шипы, Ребекка чувствовала, что так она пытается побороть боль одиночества. Год назад умерла Луиза, остававшаяся на протяжении тридцати лет единственной спутницей жизни Доротей. Язвительность последней достигла с тех пор невиданных вы-

сот. Впрочем, именно невыносимый характер позволил Доротее создать двадцать лет назад новую международную организацию: Врачебная помощь в кризисных ситуациях – Doctors International Disaster Aid (DIDA). В то время все твердили о том, что такой проект не по плечу одной-единственной женщине. Но Доротее, благодаря своей упрямой, страстной натуре, сумела превратить DIDA в широко известную и уважаемую организацию. Работа в ней не сулила ни славы, ни прибыли и была к тому же достаточно опасной, но при этом насущно необходимой. За последние несколько лет Ребекка стала одним из немногих специалистов, работавших исключительно на DIDA, а также правой рукой Доротее. Со своей будущей начальницей Ребекка познакомилась на одном из мероприятий, и та сразу же разглядела в ней бесстрашие и жажду обратить свои медицинские навыки на что-то по-настоящему значимое. Доротее энергично принялась эксплуатировать эти качества. Для Ребекки она стала лучшим другом. Наставником. *Матерью*. В скором времени она познакомила Ребекку со своей давней подругой, Луизой, и та сразу же поняла, что именно замышляет Доротее. Отозвав Ребекку в сторону, чтобы их никто не мог услышать, Луиза прошептала:

- Дот соблазняет тебя, Ребекка.
- Что? – в изумлении переспросила та.

– Скоро ей исполнится шестьдесят, – заметила Луиза, – и она уже не первый год говорит о том, что пора бы найти человека, который со временем станет очередным лидером DIDA.

– Но она почти не знает меня, – возразила Ребекка.

– Дот видит людей насквозь, – промолвила Луиза. – Ей хватило одного взгляда на тебя, чтобы понять: ты – тот человек, который ей нужен.

Конечно же, Луиза была права. И хотя Ребекке ни разу не случилось произнести: *да, Дот, я стану главой DIDA, когда ты решишь уйти на покой*, это было понятно им обоим без слов.

Хотя Ребекку смутило поначалу слово «соблазнить», она очень скоро поняла, что Доротея не испытывает к ней никакой сексуальной тяги. Для Доротеи Ребекка была «единицей». Она не сомневалась, что в человеке с рождения заложены те или иные сексуальные предпочтения, и даже составила для себя определенную градацию. Согласно этой схеме абсолютная гетеросексуальность соответствовала «единице», тогда как абсолютная гомосексуальность – «десятке». Ну а бисексуальность обозначалась как «пять-к-пяти». Описывая Ребекке своих новых знакомых, Доротея могла сказать: «Этот человек – кардиолог из Сиэтла, тройка». Несколько лет назад, когда Ребекка работала в гватемальской деревне, раз-

рушенной сильным землетрясением, ей очень понравился один парень. Она поведала об этом Доротее, но та лишь прищелкнула языком.

– Разве ты не видишь, – заметила Дот, – этот тип – семерка.

– Да ладно тебе, – не согласилась с ней Ребекка. – Он чистой воды гетеросексуал.

– Смотри, я тебя предупредила, – пожала плечами Дот.

Он и правда оказался семеркой. Может даже, восьмеркой. Ребекке он сказал, что не женат, но очень скоро ей стало ясно, что Пол (парень, живший с ним в одном доме) не просто помогал выплачивать ему кредит. Доротее потребовалась лишь пара секунд, чтобы оценить сущность человека. Потрясающая проницательность... если не сказать пугающая.

В качестве врача Доротей также обладала этой редкой способностью. Ей достаточно было одного взгляда на пациента или еле уловимого касания, чтобы с легкостью поставить правильный диагноз. За эти годы Ребекка успела многому у нее научиться. Благодаря ей она стала по-настоящему хорошим специалистом и смогла утолить свою давнюю страсть – помогать людям, оказавшимся в районе бедствий.

– Чтобы выполнять такую работу, детка, нужно обладать внутренней независимостью, – объяснила ей

Доротея на раннем этапе их знакомства. – И у тебя она есть. Но еще нужна постоянная дисциплина.

– Я вполне дисциплинирована, – с обидой заявила Ребекка. – Иначе как бы я окончила медицинский факультет?

– Я говорю о другой дисциплине, – пояснила Доротея. – Это своего рода фокус. Неважно, что там творится вокруг – дома рушатся, грязь по колени, нет электричества, – все твое внимание сосредоточено на больном. Создай для себя шоры.

Ребекке удалось создать шоры, а еще – обрести фокус и любовь к своей работе. Разумеется, ей совсем не нравилось то, что в мире так много бедствий. Но, когда среди ночи раздавался телефонный звонок и ей сообщали о том, что где-нибудь в Южной Америке произошло землетрясение и ей нужно срочно отправляться в аэропорт, по телу ее словно пробежал электрический ток.

– Brent, – голос Доротеи вернул ее в настоящее, – весьма неплохой парень.

Ребекка ожидала, что Дот обрушит на нее кучу причин, по которым ей не следует выходить замуж за Brenta – да и вообще за кого бы то ни было. Но Доротея, должно быть, считала Brenta идеальным партнером для Ребекки, учитывая их общую преданность DIDA. Отношения их строились на дружбе и взаимном

уважении – прекрасная основа для любого брака, не так ли?

– Верно, – Ребекка отхлебнула немного вина. – Он хороший парень. Но я все равно не понимаю, зачем мне выходить за него замуж.

– Возможно, не очень удачная идея, – согласилась Доротея. – Но только подумай, как было бы замечательно, если бы вы оба взяли на себя руководство DIDA. Вам обоим это пошло бы только на пользу.

Ребекка в раздражении закатила глаза.

– Терпеть не могу, когда ты начинаешь говорить так, будто одной ногой уже стоишь в могиле.

Но ее бесило не только это. Ребекку раздражала сама мысль о том, что она должна разделить бремя лидерства с Брентом. Или с кем-либо еще.

Доротея пожала плечами:

– Всего лишь стараюсь быть реалистом.

– Скорее уж фаталистом, если на то пошло.

Доротея склонилась к ней через стол.

– Я хочу, чтобы ты была готова принять бразды правления в свои руки – в тот день, когда мне это уже окажется не по силам. Это может случиться через двадцать лет, а может и завтра.

– Лично я ставлю на двадцать лет, – заметила Ребекка. – Да ладно тебе, Дот. Ты прекрасно знаешь, что я готова заменить тебя в любой момент.

– Так вот, возвращаясь к вам с Brentom, – промолвила Доротея, и Ребекка вдруг поняла, что это уже не первый раз, когда она рассматривает их в паре. – Вы слишком много препираетесь.

– Препираемся? – Ребекку позабавило это слово, хотя, если уж на то пошло, Доротея была абсолютно права. – Все так, но только по пустякам.

– Вы оба просто рождены для работы в кризисных ситуациях, уж в этом-то у меня нет никаких сомнений. Он такой же необузданный, как и ты... Ну, почти, – добавила она с суховатой усмешкой. – Тебя вообще невозможно приручить.

Ребекка рассмеялась, чувствуя себя на редкость польщенной.

– Никому из вас не хотелось запереться где-нибудь в уютном домике в окружении кучи детишек, – продолжила Доротея. – Вы с Brentom исповедуете схожие ценности.

Тоже верно, подумала Ребекка. Ей никогда не хотелось мирной семейной жизни. По большому счету, ей было безразлично, где жить, да и дети никогда не входили в число ее приоритетов. Наблюдая за тем, на какие жертвы приходится идти Майе и Адаму, чтобы обзавестись ребенком, Ребекка только радовалась, что у нее нет материнских инстинктов.

– Ты удивляешь меня, Дот, – промолвила она. – Вот

уж не думала, что тебе понравится мысль о моем замужестве.

– Не могу сказать, что я в восторге, но почему бы и нет?

– Да потому хотя бы, что тебе нравится держать меня в соседках.

– Будь реалистом. – Доротея потянулась к стакану с водой. – Тебе уже сорок, и ты...

– Тридцать восемь!

– И ты не моя пленница. Если честно, я не очень представляю вас с Brentом мужем и женой. А вот лидерами DIDA – всегда пожалуйста. Из вас получилась бы блестящая команда.

– Я не из тех, кто рвется замуж. Вдобавок я не... – Ребекка вновь глянула туда, где сидел Brent. – Я не уверена, что люблю его.

– Не уверена? Ты либо любишь, либо нет.

– Ну, между этими крайностями существует море неясного. Разве в твоих отношениях с Луизой всегда была полная определенность?

Они старались не касаться этой темы, но Ребекка не могла не заметить грусти, промелькнувшей в глазах Доротеи при упоминании Луизы. Работа с Доротеей позволила Ребекке узнать много нового о скорби. Не нужно прятаться от этого чувства, но и подчинять ему свою жизнь тоже не следует.

– С Лу я познакомилась в понедельник, – взгляд Доротеи был направлен куда-то вдаль. – А уже во вторник я знала, что люблю ее. Но не у всех это бывает так просто и ясно, – она вновь взглянула на Ребекку. – Не нужно выходить за него замуж, если ты не уверена. Это нечестно по отношению к вам обоим. Ты – независимая, свободолюбивая женщина, что делает тебя превосходным лидером DIDA... и не столь уж превосходной женой.

Телефон в кармане Ребекки завибрировал, и она взглянула на экран.

– Это Майя.

– А-а, принцесса, – фыркнула Доротея. – Ну же, отвечай.

Откинувшись на спинку стула, Ребекка поднесла телефон к уху.

– Привет, сестричка.

– Это снова случилось, – в голосе сестры звучали слезы.

Ребекка мгновенно выпрямилась.

– Не может быть. Ты уверена? Где ты сейчас?

Доротея замерла с вилкой в руке, и Ребекка ощутила на себе ее пристальный взгляд.

– Я гуляю с Чонси, и я... Я просто стою, прислонившись к этому чертову дереву, потому что до дома с полмили, и мне... мне кажется, если я постою тут ти-

хонько, то все пройдет... Но это не так. Все кончено, Бекка.

Ребекка встала, еле слышно шепнув Доротее: *она теряет ребенка*. После чего, как в тумане, направилась к выходу.

– Бекка?

– Я тут. Просто хочу выйти из ресторана.

Шагнув в туалет, она заперлась в кабинке и устало прислонилась к стене.

– Где Адам?

– В больнице. Я уверена, он еще в операционной.

Ребекка едва не застонала от беспомощности: она была в трех тысячах миль от сестры.

– У тебя кровотечение?

– Наверняка, – ответила Майя. – Судя по ощущениям. Я хочу позвонить Кэти Уинстон, одной из моих соседок, чтобы та отвезла меня домой. Она даже не знает, что я беременна. Мы никому не говорили, кроме тебя. Извини, что я потревожила тебя, но мне хотелось...

– Перестань, глупышка! – закрыв глаза, Ребекка прижалась затылком к облицованной плиткой стене. – Мне так жаль, Майя. Я-то думала, на этот раз все будет хорошо.

– Я тоже.

Как она сможет рассказать обо всем Адаму? Это

его просто убьет. Неделю назад Ребекка обедала с ним в больнице, и он не мог сдержать улыбки, когда говорил – со сдержанной радостью – об их Полливог. Глаза его просто сияли, и только тут Ребекка поняла, что уже давно не видела Адама таким счастливым. Он еще больше, чем Майя, хотел этого ребенка. За последние два года Адам изменился. Что и говорить, он по-прежнему был очень привлекательным. И таким же чертовски сексуальным, хотя Майя, кажется, никогда не придавала этому особого значения. Но энергия и энтузиазм, являвшиеся отличительной чертой Адама, стали покидать его после всех этих неудачных попыток создать полноценную семью. И вот опять их с Майей надежды на будущее разлетелись вдребезги. Впрочем, это не повлияет на их отношения. Они переживут нынешнюю неудачу так же, как пережили предыдущую. И ту, что была еще раньше.

– Хочешь, чтобы я прилетела? – спросила Ребекка, рассчитывая на то, что Майя скажет «нет». – Я могу сесть на самолет уже завтра утром.

– Нет-нет, не нужно, – ответила Майя.

– Давай так, ты позвонишь сейчас своей соседке, а затем снова мне, и я буду болтать с тобой, пока она не приедет. Договорились?

– Со мной все в порядке. Я могу...

– Позвони мне, Майя. Иначе я буду беспокоиться.

– Ладно.

Ребекка нажала на «отбой», но так и не вышла из туалетной кабинки. Она знала, что жизнь – штука несправедливая. Работая в зонах бедствий, она постоянно сталкивалась с такими вещами. Она поняла это еще в тот день, когда они с Майей потеряли родителей. Но некоторые вещи казались несправедливее остальных, и вот эта как раз была одной из них.

3 Майя

– Адам? – прошептала я, не успев даже открыть глаза.

– Я здесь, Майя, – ответил он. – Сижу рядом и держу тебя за руку.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого света в палате.

– Прости меня, – я с трудом повернула к нему голову, чувствуя невероятную слабость от лекарств.

– Хватит говорить глупости, – Адам придвинулся еще ближе. – Ты ни в чем не виновата.

– Я знаю. Просто... что сказала Илейн? Мальчик или девочка?

– Мальчик, – помедлив, ответил Адам.

Еще один мальчик. Два потерянных сына. Как минимум два.

– Илейн хочет, чтобы мы заглянули к ней на следующей неделе, – промолвил Адам. – Чтобы решить, как действовать дальше.

Что значит, как действовать дальше? Неужели мы будем пробовать снова? Разве я смогу пройти через такое еще раз?

– Ладно, – я закрыла глаза.

– Не нужно спать, Май, – услышала я голос Ада-

ма. – Ты же знаешь, врачи рассчитывают, что ты скоро встанешь и тебя можно будет выписать.

Я застонала, с усилием приоткрыв глаза.

– Почему мы так обращаемся с пациентами? – вырвалось у меня. – Это же бесчеловечно.

– Я заберу тебя домой, а позже, если ты будешь в настроении, я сварю для тебя куриный супчик. Потом мы сможем посмотреть парочку фильмов. Что скажешь? Я обложу тебя со всех сторон подушками и...

– Не надо, – прошептала я.

– Что не надо?

– Не надо вести себя как супер-Адам.

Он рассмеялся, хотя в голосе его не было и намёка на веселье.

– Что значит супер-Адам?

– Весь такой бодрый, энергичный, жизнерадостный... словом, сама заботливость.

Не знаю, смогла ли я объяснить. Мне отчаянно хотелось спать. Вот проспаться бы сейчас недели... нет, месяцы. Все те месяцы, что мне предстоит теперь тосковать.

– Так каким ты хочешь меня видеть? – спросил Адам.

Я задумалась, пытаюсь удержаться на грани бодрствования. Адам просто не мог быть другим: его жизнерадостность была врожденной. Пожалуй, именно

это и привлекло меня в нем в первую очередь.

Осторожно откинув прядь с моего лба, он провел пальцем по моей щеке.

– Хочешь, чтобы я был серьезным? – поинтересовался он.

Хочу ли я? Пожалуй.

– Да, – ответила я. – Ты ведь тоже опечален. Даже больше чем опечален.

Я вновь взглянула на мужа. Напускная улыбка сошла с его лица. Он выглядел грустным и усталым.

– Ты права, – ответил он, – я просто в отчаянии, как и ты. Но сегодня я хочу позаботиться о тебе. И завтра тоже. Позволь мне это сделать, ладно? А потом уже ты сможешь попереживать из-за меня.

– Ладно, – ответила я. Ну какая женщина устоит перед таким мужчиной?

– Пойду узнаю, когда тебя можно будет забрать домой, – сказал Адам, поднимаясь со стула.

Я молча кивнула. Стоило ему выйти, и я тут же прикрыла глаза – в надежде, что сон не заставит себя ждать.

* * *

Впервые я встретила с Адамом в больничной палате, где лежала моя пациентка. Для своих вось-

ми девочка казалась просто крошечной, настолько уменьшала ее механическая кровать. Наверняка ей еще не кололи никаких лекарств, поскольку малышка просто тряслась от беспокойства. Мать, сидевшая рядом с ней на постели, держала девочку за руку, и беспокойство буквально перетекало от одной к другой.

До этого я встречалась с ними только раз – у себя в офисе, когда осматривала Лани и обсуждала предстоящую операцию по удлинению ноги. Девочка тогда была веселой и общительной, однако теперь реальность брала свое.

– Доброе утро, Лани, – сказала я. – Миссис Роланд. Я тоже присела на краешек кровати. Мне нравилось действовать так, будто я располагала массой времени, которую могла потратить на своих пациентов, хотя в действительности мне предстояло провести сегодня три сложнейших операции, так что времени у меня просто не было.

– Операция начнется в девять, как и обещали? – миссис Роланд взглянула на часы. От меня не укрылось, что рука ее слегка дрожит.

– Да, действуем по расписанию, – ответила я. – И это замечательно. Нет ничего хуже, чем тратить время на ожидание, правда? – улыбнулась я Лани. Девочка утвердительно кивнула. Глаза ее были прикованы к моему лицу, как если бы она могла прочесть на

нем свое будущее.

– Хочешь что-нибудь спросить? – поинтересовалась я.

– Я что-нибудь почувствую?

– Абсолютно ничего, – я ободряюще похлопала ее по коленке. – Обещаю тебе.

В этот момент в палату вошел мужчина.

– Привет, – улыбнулся он Лани. Поведение его выглядело столь естественным и непринужденным, что я решила, будто передо мной отец девочки или кто-то из родственников.

– Я – доктор Поллард, Лани, – промолвил мужчина. – Сегодня я буду твоим анестезиологом.

Так вот это кто, подумала я. Парень работал в больнице всего лишь неделю, но я уже была о нем слышана. Тридцати с лишним лет, он носил голубую рубашку и брюки цвета хаки и производил впечатление весьма уверенного в себе человека.

– Что такое анестезиолог? – девочка выговорила слово абсолютно правильно.

Я уже собиралась ответить, но мужчина опередил меня.

– Я позабочусь о том, чтобы ты с легкостью перенесла операцию, – промолвил он, опираясь рукой на спинку кровати. – Я дам тебе лекарства, от которых ты уснешь так крепко и глубоко, что это будет похоже на

сказку. Ты закроешь глазки и досчитаешь до десяти. Ты даже не заметишь, как заснешь. А когда проснешься, операция уже закончится.

Мать Лани заметно успокоилась. Плечи ее расслабились, и на лице появилась улыбка.

– Я же говорила тебе, детка, – сказала она, – ты даже не почувствуешь, как все произойдет. Не почувствуешь и не запомнишь.

– А если я захочу потом вспомнить? – спросила Лани.

– Что ж, – вмешался доктор Поллард, – тогда мы с доктором Уорд расскажем тебе обо всем. Для нас нет ничего приятнее, чем беседовать с пациентами об их здоровье, правда? – подмигнул он мне.

– Чистая правда, – улыбнулась я в ответ. Мне понравилось, что он обставил все так, будто мы работали с ним долгие годы.

– Чудесно, – сказала Лани, – тогда я с радостью послушаю обо всем позже.

* * *

– Я слышал о вас много хорошего, – промолвил Адам, когда мы вышли из палаты и зашагали вдвоем по коридору. – Рад, что мне выпало работать с вами. Все, что мне самой довелось слышать о нем, име-

ло мало отношения к работе. Коллеги вовсю обсуждали его личность, и теперь-то я понимала почему. Парень был невероятно харизматичным. Про таких обычно говорят: прирожденный оптимист. Говорил он незаконченными фразами, как если бы ему хотелось сказать так много, что он оставлял часть слов на потом. Довольно странно для человека с северокаролинским акцентом. Насколько мне известно, впрочем, он лишь недавно приехал из Бостона.

– Так вы перебрались сюда из Массачусетса? – поинтересовалась я.

– Да. Меня тянуло в Северную Каролину – я ведь рос поблизости от Гринсборо. К тому же мне надо было провести ряд клинических исследований, вот я и остановился на этой больнице. Что ни говори, здорово вернуться домой.

Слушая его, я невольно улыбалась. В чем тут дело? Этот парень не был таким уж привлекательным. Да что там – конечно, был! Только не в привычном смысле этого слова. Худощавый, с каштановыми волосами и теплыми карими глазами, он привлекал внимание своей неумемной энергией. Размышляя о нашей совместной работе, я пыталась представить, сможет ли он поставить эту энергию под контроль в условиях операционной.

– Так что вы уже слышали обо мне? – я произнес-

ла это с еле уловимым кокетством и сама себе удивилась. В больнице я привыкла с головой уходить в работу. На тот момент мне исполнилось тридцать, и большую часть своей жизни я отдала учебе, а не мужчинам. Эти странные, девические эмоции были для меня в новинку – как и предательское чувство внизу живота. Я думала не только о том, как этот парень проявит себя в операционной, но и о том, как он мог бы проявить себя в постели. За всю мою взрослую жизнь у меня было только два любовника, и вот теперь я подумывала о том, а не завести ли мне третьего.

– О вас тут говорят с большим пиететом, – промолвил он. – Вы еще очень молоды. Сколько вам лет? Впрочем, неважно. Неуместный вопрос. Еще вы спокойны и независимы. Нестерпимо уверены в себе.

– Нестерпимо?

– Пожалуй, не самое удачное слово. Просто... вы из тех людей, чьей уверенности можно позавидовать. В вас это настолько естественно – ничего наигранного.

– Что-то мне подсказывает, что вы все это безбожно выдумали, – заметила я.

Человек проработал в больнице меньше недели. Откуда бы ему знать все это? Как ни странно, впрочем, он попал в точку. Я действительно отличалась спокойным характером. И вела себя сдержанно – до

тех пор, пока не сталкивалась с чем-нибудь страшным. Меня не пугали обычные вещи – все, с чем приходилось иметь дело в больнице. Не волновало меня и то, что говорят за моей спиной окружающие. Мои страхи носили более примитивный характер. Насильник, затаившийся на заднем сиденье автомобиля. Злые собаки. Пожар в доме. *Парень с пистолетом*. На работе и не догадывались, что порой я просыпалась в поту от ночных кошмаров.

– Я слышал это и много больше, – ответил он.

– Что ж, я тут дома.

Мы стали спускаться на лифте к операционным. На третьем этаже двери распахнулись, и мы потеснились, давая место сестре-хозяйке и ее тележке.

– Привет, Чарльз! – по улыбке Адама можно было решить, что он встретил старого друга.

– Ну вас с вашими шутками, док, – рассмеялась женщина.

– Чарльз? – растерянно повторила я.

Бросив взгляд на нагрудную карточку женщины, я прочла имя «Чарлин». Невысокая дамочка средних лет с проседью в черных волосах.

– Только представьте, он зовет меня Чарльз, – женщина нажала на кнопку первого этажа; на щеках ее проступил румянец. Очевидно, что и она не смогла устоять перед чарами нового доктора.

Я проработала в больнице семь лет и едва ли не каждый день встречалась с этой женщиной, но ни разу не удосужилась прочесть ее имя. Мое приветствие ограничивалось обычным кивком. Адам Поллард провёл тут неделю – и уже шутит с ней, как со старой знакомой.

– Как поживает большой парень? – поинтересовался у нее Адам.

– Еще немного, и он сведет меня в могилу, – Чарлин многозначительно закатила глаза.

Двери лифта распахнулись.

– Держись, Чарльз, – Адам дружески коснулся ее плеча, направляясь за мной к выходу из лифта. – Нам тут без тебя не справиться.

– Вы что... были знакомы с ней до приезда сюда? – спросила я, шагая рядом с ним к операционной.

– Да нет, – пожал он плечами. – Она тут крутится день-деньской. Вкалывает за двоих. А еще помогает дочери воспитывать внуков.

– А большой парень – это кто?

– Ее десятилетний внук. За него она переживает больше всего. Вот только не помню, как парня зовут. С именами у меня плохо.

– Как вы успели узнать все это за неделю?

– Беседуя с людьми, – пожал он плечами. – Как же еще?

* * *

Операция Лани Роланд прошла своим чередом. Сразу после этого Адам подловил меня в коридоре.

– Поужинаем сегодня, – сказал он. Не спросил, а именно сказал. Как если бы у меня не было других планов на вечер.

– Хорошо, – ответила я, поскольку так оно, собственно, и было.

– Как насчет ресторана? Что-нибудь обычное или пошкарней?

– Обычное.

– Может, «У мамы Дип»? Я скучал по этому местечку.

– Ладно, – кивнула я. – Встретимся в ресторане. Я освобожусь где-нибудь к половине седьмого.

– Прекрасно, – он игриво ущипнул меня за руку, как если бы мы были подростками, и я невольно расхохоталась.

* * *

Спустя несколько часов, когда я вошла в ресторан, Адам сидел за столиком у окна и весело пере-

шучивался с официанткой. При моем приближении он встал.

– Привет, Майя. – Прозвучало это так, будто мы знали друг друга долгие годы. Наклонившись, он поцеловал меня в щеку. – Доктор Уорд, это Ки-Ки, сегодня она будет обслуживать наш столик. Ки-Ки, это потрясающий хирург, Майя Уорд. Она сшивает маленькие детские косточки, – он подвинул стул так, чтобы мне удобно было сесть.

Ки-Ки широко улыбнулась нам.

– Что будешь пить, милочка? – поинтересовалась она у меня.

– Лимонад, – сказала я, разворачивая салфетку.

Стоило Ки-Ки отойти, как у Адама вырвался смешок.

– Я представил тебя как хирурга, и она тут же назвала тебя милочкой. Вот за что я люблю Юг. Как тебе такая фамильярность? Не раздражает?

Мне нравилось смотреть, как улыбка морщит уголки его глаз.

– Ничуть, – ответила я.

Я знала немало женщин, которых покорило бы подобное обращение. Сама же я прожила в Северной Каролине слишком долго, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

– Я так просто в восторге, – заметил Адам. – Не

пойми меня неправильно – в Бостоне тоже было здорово. Но никто там не называл меня душкой или солнышком. А добрых слов много не бывает. Понимаешь, о чем я?

– Вполне.

Ки-Ки вернулась с напитками, и я опустила соломинку в лимонад.

– Ты не похожа на местную, – заметил Адам. – Откуда ты родом?

– Из Вирджинии.

– Каким же ветром тебя занесло к нам?

– Приехала вслед за сестрой. Она поступила в медицинский колледж, и ей тут очень понравилось. Вот и я пошла по ее стопам.

– Вот это да! – воззрился на меня Адам. – Выходит, есть сразу два доктора Уорд? А где она практикует?

– Она работает на эту организацию – «Врачи в кризисных ситуациях». А потому она то здесь, то там.

– DIDA! – воскликнул Адам.

– Знаешь о ней?

– Я и сам хотел предложить им руку помощи, но до дела так и не дошло. Пожалуй, мне стоило бы пошевелиться. Что ни говори, а такая работа – это по-настоящему круто, – он отхлебнул чаю. – Твоя сестра – она из филантропов?

– Она... – Я никогда не думала о Ребекке в подоб-

ном ключе. При мысли о ней у меня возникало другое слово – *неуемная*. Но она и правда горела желанием помогать – и это касалось не только DIDA. Ребекка всегда была моей героиней.

– В общем-то, да, – ответила я. – Я не видела ее уже пару месяцев, хотя мы регулярно созваниваемся, когда она находится в зоне доступа. Сейчас она в Китае – в районе, где было землетрясение. И дозвониться до нее просто невозможно.

Ки-Ки принесла мне жаркое, а Адаму – тарелку с шашлыком.

– Что-нибудь еще? – спросила она.

– Нет-нет, все в порядке, – ответил Адам, по-прежнему не сводя с меня взгляда. – Выходит, вы очень близки с сестрой, – заметил он, когда Ки-Ки ушла на кухню.

Мне хотелось рассказать ему обо всем. О своей жизни. О Ребекке и наших с ней непростых отношениях. *Обо всем*. Впервые в жизни я чувствовала себя подобным образом. Обычно я держала свои чувства на замке, как и подобает профессиональному хирургу. Я рано научилась скрывать свои недостатки. Ребекка терпеть не могла мою слезливость, и я привыкла вести себя как человек, который ничего не боится. Вот и теперь я подумала о том, что мне еще предстоит работать с Адамом. Пусть уж лучше он видит во мне

компетентного специалиста, чем женщину, которая до сих пор не может разобраться со своим прошлым.

– Да, – ответила я безо всяких комментариев. – Мы и правда близки.

– Повезло тебе.

– А как насчет тебя? Братья, сестры? – я наконец-то взяла ложку, но разговор настолько увлек меня, что я совсем позабыла опустить ее в тарелку.

Адам покачал головой, прожевывая кусочек свинины.

– У меня нет семьи, – ответил он. – Родители погибли, когда мне было пятнадцать.

От удивления у меня перехватило дыхание. Мне вновь захотелось поведать ему мою собственную историю, но я и на этот раз удержалась.

– Сразу оба? – спросила я. – Что, несчастный случай?

– Именно. Они возвращались из гостей, и тут пьяный водитель.

– Господи, как жаль. И что, с тех пор ты жил с родственниками?

– Да у меня их просто не было. Только дед с бабушкой. Но они были в таком преклонном возрасте, что не могли меня взять. Пришлось отправляться в детский дом.

– Трудно тебе пришлось?

Сама я, к счастью, была избавлена от подобной участи. Я с трудом прожевала ложку жаркого. Обычно мне нравилось, как готовили «У Мамы Дип», но сейчас я едва различала вкус.

– Я оказался в хорошем месте, – Адам промокнул губы салфеткой. – Дети редко задерживаются в таком доме надолго, но я прожил там несколько лет. До сих пор общаюсь с ними. Хорошие люди.

– Твоему оптимизму можно позавидовать, – улыбнулась я.

– Таким уж я родился, – пожал плечами Адам. – Избыток серотонина или что-то в этом роде. Помогает справляться с трудностями.

Я прожевала еще ложку, так и не почувствовав вкуса еды.

– Мне было четырнадцать, – промолвила я.

– Четырнадцать?

– Когда умерли родители.

Адам положил вилку и откинулся на спинку стула.

– Серьезно? Что, тоже несчастный случай?

Я помедлила. Мне и правда хотелось рассказать ему обо всем, но я пока не решалась заходить так далеко.

– Да, несчастный случай.

– Также оказалась в итоге в детском доме?

– Нет, – я перевела взгляд на тарелку. – Ребекке –

моей сестре – было уже восемнадцать. Она сказала, что сама позаботится обо мне. И она это сделала.

– Тебе здорово повезло.

– Ты прав.

– А где живет твоя сестра в то время, когда возвращается из своих поездок?

– Здесь. То есть в Дареме. Она живет с Доротеей Ладлоу. Это...

– Я знаю, кто это, – заметил Адам. – Основательница DIDA. Крутая дамочка. Так твоя сестра живет с ней? Она что... – он вскинул брови. Должно быть, ему и правда было многое известно о Доротее.

– Нет. У Доротееи давняя и прочная связь с художницей по имени Луиза Голден. Они живут в чудесном викторианском доме, а Ребекка снимает у них комнаты на втором этаже.

– А как насчет тебя? Замужем?

– Ты слишком прямолинеен, – улыбнулась я. – Стоит тебе о чем-то подумать, и это тут же срывается у тебя с губ.

– Тебя это раздражает?

Я на секунду задумалась.

– Скорее нравится. И я не замужем.

– Невероятно, – заметил Адам. – Такая симпатичная, умненькая... словом, загляденье. С головой ушла в работу?

Про меня часто говорили «симпатичная» – что значило «ничего особенного». Вот Ребекка, та была красавицей. На сайте DIDA висело несколько ее фотографий. Без макияжа, со встрепанной копной каштановых волос, с больным ребенком на руках. Взглянешь – и не оторвешься. И хотя сама я была белокурой, голубоглазой сестрицей, на фоне Ребекки я попросту терялась. Что и говорить, непросто мне было расти в ее тени.

– А как насчет тебя? – спросила я.

– Развелся. Два года назад. Чудесная женщина. Жаль только, что передумала насчет детей.

– В каком смысле передумала?

– Видишь ли, мы с самого начала поговаривали о том, чтобы завести парочку детей. А то и больше. Даже имена им придумали – знаешь, все эти красочные мечты. По вполне понятным причинам мне всегда хотелось большую семью.

Я кивнула. Я-то его полностью понимала.

– Франни была репортером на одной из телевизионных станций в Бостоне. Работа настолько ее захватила, что она и думать забыла о детях. Самое плохое, когда вы все еще любите друг друга, но не в силах прийти к согласию по таким важным вопросам. И никакие компромиссы тут невозможны. Ты либо хочешь детей, либо нет.

– Я хочу. – Стоило этим словам сорваться с губ, и я тут же покраснела. Такое чувство, будто я напрашивалась не только на ужин. – Хочу сказать, – рассмеялась я в замешательстве, – что прекрасно тебя понимаю. У меня ведь тоже нет близких, кроме сестры. Не так-то просто совмещать работу и воспитание детей, но семья для меня главное.

Казалось, будто впервые за вечер Адам не нашелся, что ответить. Он помолчал, глядя в пустую тарелку, но в молчании этом не было ничего томительного. Мое замешательство исчезло, и я вдруг почувствовала, как в этой тишине между нами что-то происходит. Еле уловимая перемена. *Понимание*. Должно быть, Адам тоже это почувствовал.

– Ты сказала, что я слишком прямолинеен, – улыбнулся он наконец.

– Я вовсе не хотела...

– Я собираюсь быть еще прямолинейнее, – заявил он. – Так вот, сегодня в операционной я просто влюбился в тебя.

Я рассмеялась. Разве можно воспринимать это всерьез?

– Ты же меня совсем не знаешь.

– Это так. Звучит по-идиотски, не правда ли? Но я влюбился в то, что успел узнать. В твое мастерство, в заботу о детях.

– Просто ты из тех, кто не может долго обходиться без партнера, – заметила я. Однако мне было ясно, к чему он клонит.

– Я обходился без партнера два года, – возразил Адам. – Хотя возможности обзавестись семьей были. Однако я этим не интересовался. До сегодняшнего дня. Но мне бы не хотелось спугнуть тебя своей назойливостью. Не собираюсь выслеживать тебя и доносить звонками. Скажу лишь, что следующий шаг за тобой.

– Возможно, ты слишком легко сходишься с людьми, – сказала я, вспомнив сестру-хозяйку из лифта. – Ты наделяешь их определенными чертами, даже не узнав, что они представляют собой на самом деле.

– Надо же, – ухмыльнулся он. – Ты уже подмечаешь во мне недостатки – совсем как в настоящей семье.

Я рассмеялась – ну разве можно сердиться на такого человека! – но тут же посерьезнела.

– Знаешь, я кое в чем солгала тебе, – я внимательно глянула на него через стол.

– И в чем же?

– Понимаешь... ты был вполне откровенен со мной, и поскольку это важная часть моей жизни...

– Ты не обязана мне ни о чем рассказывать.

– Но я хочу, – произнесла я и тут же поняла, что это

будет лишь полуправдой. – Просто я... у меня много комплексов, и тебе лучше узнать об этом до того, как ты начнешь всерьез ухаживать за мной.

Адам рассмеялся.

– Речь же не о покупке дома – я выбираю, а ты должна рассказать обо всех недостатках.

– Пожалуйста, не усложняй мне задачу. – Прозвучало это, должно быть, очень серьезно, поскольку улыбка сошла с его лица.

– Извини, – сказал он. – Продолжай, пожалуйста.

– Мои родители... это был вовсе не несчастный случай, – выдавила я, глядя прямо в стол. – Их убили.

– Не может быть.

Я по-прежнему не могла взглянуть ему в глаза.

– Мне бы не хотелось вдаваться в подробности, – заметила я. – Просто... так произошло. Меня это сильно потрясло. Я стала бояться... всего, что кажется опасным.

Будь сейчас с нами Ребекка, она бы непременно пнула меня ногой под столом. *Никто не должен видеть твой страх.* Это было ее девизом.

– Понятное дело, что тебя это потрясло, – он легонько сжал мою руку. – А как насчет парня, его поймали? Если, конечно, это был парень.

Я кивнула.

– Он погиб во время перестрелки с полицией.

– Что его заставило пойти на это?

– Это был ученик моего отца. Из недовольных.

Как же часто я слышала эти слова – *недовольный ученик*. Теперь стоило прозвучать одному из них, и я тут же вспоминала о другом.

– Отец преподавал философию в Американском университете, – я слегка поморщилась. – Давай больше не будем говорить об этом.

– Конечно, – кивнул Адам. – Хочу только сказать, что мне очень жаль.

– Спасибо.

– Так мило с твоей стороны, что ты решила ничего не утаивать от меня, – улыбнулся Адам, вызвав у меня ответную улыбку. – Теперь я еще больше влюблен в тебя, доктор Уорд.

– Знаешь, для меня, пожалуй, на сегодня достаточно, – признала я. – Уж слишком быстро все развивается. Люди редко бывают такими, какими кажутся на первый взгляд.

– Верно, – согласился Адам. – И если мы твердо намерены избежать боли, нам лучше не встречаться. Но мы могли бы рискнуть и посмотреть, а вдруг из этого и правда выйдет что-нибудь замечательное.

Я была не из тех, кто охотно идет на риск. Хорошо бы сейчас посоветоваться с Ребеккой. У меня были и другие друзья, к которым я могла обратиться за по-

мощью, но Ребекке я готова была довериться на все сто. Однако Ребекка находилась в Китае, и телефон ее молчал. Так почему бы не стать своим собственным советчиком?

– Что ж, давай попробуем, – сказала я, подняв в качестве тоста стакан с лимонадом.

4 Ребекка

– Что случилось? – Brent вопросительно глянул на Ребекку, которая с мрачным видом вошла в его гостиничный номер.

– Майя потеряла еще одного ребенка, – она плюхнулась на краешек его кровати.

Обычно ей ничего не стоило отмахнуться от плохих новостей. Осмыслить случившееся и тут же двинуться дальше. А как бы иначе она смогла работать в DIDA? Но этот выкидыш по непонятной причине задел ее за живое.

– Что, она снова была беременна? – Brent тоже присел на кровать. – Ты знала об этом?

– Только я и знала. После предыдущего выкидыша они боялись сообщать знакомым. На этот раз Майя продержалась шестнадцать недель.

– Да уж, не повезло, – Brent легонько погладил ее по шее. – Давай я попытаюсь утешить тебя.

Ребекка резко отдернула голову.

– Я не могу так быстро перестроиться, Brent. Только и думаю, что о Майе и Адаме. Похоже, неважная из меня сестрица. Пожалуй, мне стоило бы сейчас побыть с ней.

– Надеюсь, ты не забыла, что выступаешь с ре-

чью на завтрашнем обеде? Плюс еще послеобеденный семинар...

– Я помню.

– Не переживай так. Никто ведь не умер.

– Вот именно что умер, – бросила она на него сухой взгляд.

В свете ночной лампы было видно, как между бровей у него пролегли две морщинки.

– Ты же у нас сторонница абортот. Так к чему такие заявления?

– Брось, Brent. Это совсем другое дело. Тут речь идет о четырехмесячном желанном ребенке, у которого абсолютно здоровая мать. Для Адама с Майей это просто катастрофа.

– И для тебя, я смотрю, тоже?

– Жаль видеть, как мучается Майя.

Еще не договорив, Ребекка знала, что это лишь полуправда. Она сама желала племянницу или племянника. Ей хотелось быть крутой тетушкой, которая привозит домой подарки со всего мира. Тетушкой, которой можно было бы доверить самые заветные тайны. Ей отчаянно хотелось познакомиться с ребенком Майи.

Brent со вздохом поднялся и подошел к стеклянной двери, ведущей на балкон. Отсюда открывался чудесный вид на гавань Сан-Диего.

– Ты инфантилизируешь Майю, – бросил он.

– В смысле? – Ребекке было хорошо видно его отражение в стекле.

– Ты все еще считаешь ее своей маленькой сестричкой, которая нуждается в защите и опеке. Но она уже давно взрослая женщина, – Brent повернулся, продолжая хмуриться. – Ради бога, Ребекка, она сама врач!

– А тебе самому не хочется оберегать Брайана или Кристину? – Ребекка знала, что Brent был старшим из этой троицы.

– Вот уж нет! – расхохотался он. – Эти двое были моей головной болью с самого детства. Да и сейчас, по сути, ничего не изменилось.

– Но ты же их любишь.

– Конечно. Но я не живу их жизнью. Они взрослые люди, и они в состоянии сами решать свои проблемы.

Хотелось бы ей чувствовать то же самое в отношении Майи! Но Майя нуждалась в ней, и виновата в этом была сама Ребекка.

– Женившись на тебе, – продолжил Brent, – я женюсь и на Майе.

– Только не драматизируй.

– Из нас двоих именно ты драматизируешь события. – Подойдя к холодильнику, Brent распахнул дверцу и достал бутылку пива. – Хочешь? – поинтересовался он.

– Давай.

Брент открыл ей пиво.

– Не желаешь повторить завтрашнюю речь?

Ребекка провела рукой по покрывалу, разгладив и без того гладкую ткань.

– Я могу сделать это даже во сне.

– Ну и хорошо, – он глотнул из своей бутылки. – Как я понимаю, ты на меня злишься. Ладно, забудем на сегодня про секс. Посмотрим, что ли, телевизор. Или какой-нибудь фильм.

Она чувствовала себя слишком взвинченной для фильма. Пожалуй, стоило бы пробежаться на ночь глядя. Единственное «но» – ей очень не хотелось переодеваться в спортивный костюм. С тяжким вздохом Ребекка скинула туфли и забралась с ногами на постель.

– Хорошо, пусть будет фильм.

Брент выбрал кино с Дензелом Вашингтоном. Оба устроились на кровати, прислонившись к спинке – и на приличном расстоянии друг от друга. Ребекка никак не могла сосредоточиться. Она все думала про Майю, которой пришлось сообщить Адаму эту страшную новость. Интересно, она позвонила ему? Или дождалась, пока он придет домой? Ребекка откинула голову назад, мрачно уставившись в потолок. Брент наверняка чувствовал, что она еще взвинчена, но с него

на сегодня было достаточно ее капризов – и вряд ли она могла винить его в этом.

Она и сама не знала, что бы ей хотелось услышать от него этим вечером. У нее не было ни малейшего желания продолжать разговор про Майю и Адама. Про потерянного ребенка. Ей просто хотелось, чтобы Brent утешил ее. Но он был не из тех, кто умеет утешать. И в Ребекке ему больше всего нравилась способность не падать духом при любых обстоятельствах.

А если она выйдет замуж за Brentа и тут случится что-нибудь ужасное? Например, Майя умрет. *Нет*. Не надо об этом даже думать. Что, если Доротея умрет? Он и тогда предложит ей не падать духом? Сменить тему? Выпить пива? Посмотреть этот чертов фильм? Смогут ли они вдвоем управлять DIDA, не поругавшись при этом в пух и прах? Она раздраженно фыркнула.

– Что такое? – спросил Brent.

– Ты это о чем?

– Ты только что фыркнула.

– Да нет, ерунда.

Ей не хотелось говорить с ним на эту тему. Он бы все равно не понял. Вдобавок он вновь переключился на свой фильм.

Ребекка бросила взгляд на будильник. Половина

одиннадцатого. В Рали сейчас половина второго. Счастье еще, если Майе удалось уснуть. Она представила, как сестра лежит в объятиях Адама. Уж он-то в состоянии ее утешить! Хорошо, что он не приехал на эту конференцию. Адам тоже стал добровольцем DIDA, однако ему не случилось пока работать в горячих точках. Они с Брентом подбили его на это год назад. Впрочем, его даже не пришлось особо уговаривать, хотя Майя была явно недовольна таким решением. Она и так все время переживала из-за Ребекки. А теперь еще ей предстояло переживать из-за мужа.

«Всякий раз, когда звонит телефон, – сказала она как-то Ребекке, – я с ужасом жду, что это будет Доротея, которая скажет, что ты погибла от рук бандитов или во время землетрясения. Или подцепила смертельную болезнь, когда пила грязную воду».

Нельзя сказать, что Майя тревожилась совсем уж попусту. Однажды в Ребекку стреляли во время поездки в Африку, хотя она ни словом не обмолвилась об этом сестре. И у нее не раз бывали проблемы с паразитами.

Два года назад она упала с лестницы в доме Доротеи и сломала руку. Когда Майя пришла к ней в больницу, Ребекка многозначительно намекнула ей: «Я не получила ни единой травмы во время своих командировок. *Дом* – вот по-настоящему опасное место».

Дензел мчался по темным улицам с пистолетом в руке. Ребекка понятия не имела, за кем он гнался и с какой стати, – да ее это, собственно, и не беспокоило.

– Ты снова фыркнула, – заметил Brent, не отводя взгляда от экрана телевизора.

– Уж прости, что еще живу.

Схватив пульт, он выключил на время звук.

– Что не так?

Она немного повернулась, чтобы видеть его лицо.

– Что, если мы поженимся и произойдет что-нибудь ужасное?

– Ты сказала, что не хочешь замуж.

– Чисто гипотетически. Что, если Дот умрет? Или, например, твоя сестра? Ты тоже отмахнешься от этого с привычной легкостью?

Несколько долгих секунд он молча смотрел на нее. Затем устало потер ладонью лоб. Наконец-то ей удалось достучаться до него, подумала Ребекка.

– Конечно, нет, – мягко заметил он. – Что бы ни случилось, мы всегда будем поддерживать друг друга. Мы с тобой замечательная пара, Бек, – он сжал ее руку. – Мы будем делать наше дело, пока не умрем от старости. Что я всегда ценил в тебе... в нас обоих... это способность не сдаваться, что бы там ни творилось вокруг. Мы с тобой бойцы, поэтому DIDA подходит нам как нельзя лучше, – наклонившись, он легонь-

ко поцеловал ее. – Я люблю тебя, Ребекка. Неужели ты еще не поняла?

Она кивнула, и Brent бережно обнял ее. Положив голову ему на плечо, она вдруг представила, что прижимает к груди здорового, доношенного ребенка Майи. Боль утраты была такой острой, что у нее перехватило дыхание.

Дернувшись, она высвободилась из объятий Brentа.

– Что с тобой? – спросил он.

Она встала, нервно потирая руки. Комната казалась слишком холодной, а телевизор звучал слишком громко.

– Не знаю, что со мной сегодня, – заметила Ребекка. – Прости, что отвлекаю. Пойду-ка лучше на балкон покурю.

– Поставить на паузу? – спросил Brent, кивая в сторону экрана.

– Не нужно, – покачала она головой. – Я все равно не могу сосредоточиться.

Прихватив сигареты и зажигалку, Ребекка вышла на балкон и присела на стул, с которого открывался превосходный вид на гавань. Ей хотелось стряхнуть с себя это странное чувство невосполнимой потери. Небо над ней сияло звездами, и такие же огоньки мерцали внизу – на лодках, выстроившихся вдоль пирса. Brent

та тоже можно понять, подумала Ребекка, зажигая сигарету. Она нечасто давала волю нервам, но сегодня будто Майя забралась к ней в голову, и она никак не могла выставить ее прочь.

Пожалуй, Майе и Адаму пришло время подумать о приемных детях. Майя с радостью пошла бы на этот шаг, но Адаму отчаянно хотелось своего, биологического ребенка. В любом случае из него получится великолепный отец – из тех, что готовят своим детишкам оладьи в виде разных зверьков. А Майя будет наблюдать за ним с улыбкой обожания. Адам тоже был без ума от Майи. Чтобы понять это, достаточно было пообщаться с ними хотя бы пару минут. И почему Майе повезло найти такую любовь, а ей нет? При мысли об этом в ней вдруг пробудились старые обиды. Нечто похожее она чувствовала с самого детства, когда все внимание отца безоговорочно принадлежало Майе. Сестра была так похожа на него – такая же тихая и усердная. Ну а Ребекка унаследовала живость и энергию матери. Она никогда не сомневалась в материнской любви, а вот отцовских чувств ей всегда не хватало. «В моей семье растут ученый и спортсменка», – говорил отец о двух своих дочерях, как если бы любил их в равной мере. Однако все хорошо знали, какой из них он отдавал предпочтение. Ребекка была умницей, но Майя была умнее. Она обла-

дала несвойственной для ребенка способностью часами сидеть за книгой, не отвлекаясь на посторонние вещи. Отец любил читать им перед сном разные истории. Ребекка изо всех сил старалась сидеть тихо, но ей так и не удалось ни разу дослушать до конца. «У тебя что, муравьи в штанишках?» – спрашивал отец с кроткой улыбкой. Она кивала и выскакивала из постели, чтобы поиграть со своими машинками или побегать по дому, широко раскинув руки – как если бы она была самолетом. Она убегала, предоставляя младшей сестре одной купаться в отцовской любви.

Откинув голову на спинку стула, Ребекка выдула во тьму колечко дыма. Она ненавидела копаться в старых обидах, как если бы они еще что-то значили. Что ни говори, гибель родителей стала для них с Майей общей потерей. И если сестре повезло найти парня вроде Адама – что ж, Ребекке остается только порадоваться за нее.

Это и было частью ее проблемы с Brentом, не так ли? Если уж выходить замуж, то за парня, к которому будешь чувствовать то же, что Майя чувствует к Адаму. А они с Brentом были, главным образом, товарищами по работе. Вряд ли этого достаточно для замужества.

Затушив сигарету о цементный пол, она повернулась и взглянула в комнату через стеклянную дверь.

По лицу Брента скользили экранные блики. Сам он казался целиком поглощен фильмом.

«Ребекка – это нечто, – любил он говаривать друзьям. – Видели бы вы ее в работе – да она практически не спит!»

Ребекка знала, что для него это было величайшим комплиментом. Она чувствовала его восхищение, его любовь. В том, что Brent любил ее, не было никаких сомнений. Так чего же еще ей надо?

5 Мая

После необходимых процедур меня продержали в больнице всю ночь – Илейн была встревожена количеством крови, которую я потеряла. Но к утру мне стало намного лучше. По крайней мере, физически. Медсестра выкатила меня к месту парковки, где в точно таких же креслах сидели еще две женщины – их, как и меня, выписали домой. К счастью, ни одна из них не держала на руках ребенка. Для меня бы это стало последней каплей.

Женщина в соседнем кресле выглядела до странности знакомой. Должно быть, одна из мамочек моих маленьких пациентов. Я часто натыкалась на них на улице, не в силах даже припомнить, кто это. Зато детей я узнавала с первого взгляда.

Адам подъехал на своем серебристом «Вольво» и вышел из машины. Выглядел он бледным и измученным. Я уже собиралась встать с кресла, как вдруг женщина, сидевшая рядом, заговорила.

– Адам! – воскликнула она, и я внезапно поняла, кто это. Франни, бывшая жена Адама. Та, что не желала заводить детей. Я видела ее фотографии в старом альбоме мужа. Но Франни жила в Бостоне, и я понятия не имела, что она делает здесь, на этой парковке.

– Франни! – воскликнул Адам с привычным энтузиазмом, не изменившим ему даже при таких обстоятельствах. Улыбка вмиг стерла мрачную гримасу на лице. Подойдя к моему креслу, он опустил руку мне на плечо. – Майя, это Франни, моя бывшая жена. Франни, это Майя, моя...

– Нынешняя жена, – рассмеялась Франни. У нее были красивые зубки и густые, вьющиеся волосы, однако выглядела она такой же бледной и измученной, как я сама.

– Рада знакомству, Майя, – сказала Франни. – Хотя у меня такое чувство, будто меня переехало машиной... Да и тебя, похоже, тоже.

Слабо улыбнувшись, я кивнула. Все, чего мне сейчас хотелось, – попасть поскорее домой и лечь в постель.

Адам подошел к машине, чтобы открыть мне дверцу.

– Итак, – он глянул на Франни с озадаченной улыбкой, – что ты делаешь в Рали?

– Мой муж, Дейв, получил назначение от IBM, и мы переехали сюда год назад. Да и погода тут лучше – во всяком случае, для детей.

– Детей? – Адам, протянувший было мне руку, замер на месте.

– Я знаю, знаю, – вновь рассмеялась Франни. – Не

нужно напоминать мне о прошлом. В конце концов я поменяла свое решение. У нас сейчас двое. И этого более чем достаточно, вот я и решилась на перевязку труб.

– Адам, – умоляюще произнесла я, и он вновь наклонился, чтобы взять меня за руку. Он помог мне добраться до машины, и я с трудом залезла внутрь. Дверца захлопнулась, и я уже не слышала, о чем Адам беседует с женщиной, которую он оставил только потому, что она не желала иметь детей. И вот теперь у нее двое, а у меня – и у него – ни одного.

Спустя минуту Адам тоже забрался в машину. Повернув ключ зажигания, он бросил взгляд в мою сторону.

– Пристегнись.

Я щелкнула замком, и он отъехал от тротуара.

– Как ты? – поинтересовался Адам. – Не желаешь что-нибудь купить по дороге домой?

Я покачала головой. Боль в горле душила, не позволяя сказать ни слова. Даже боль в животе отошла куда-то на второй план.

– Если бы ты не развелся тогда, у вас сейчас были бы дети, – заметила я.

– Майя, перестань.

– Как я могу перестать?

– Я давно не женат на ней. И не люблю ее больше.

Я люблю тебя.

– Но если бы ты тогда не развелся...

– Хватит, – он резко повернул за угол, так что я невольно схватилась за дверцу.

– Что со мной не так? – бросила я в пространство. – Почему мне так трудно родить, хотя все другие женщины на земле могут иметь столько детей, сколько пожелают?

– Не говори ерунды. Таких, как ты, полно, и тебе об этом прекрасно известно. Хватит изводить себя.

– У всех моих подружек давно есть дети, – промолвила я. – И я для них как чужая. Я покупаю их малышам подарки, стараюсь сохранить нашу дружбу. Они тоже стараются, только все зря. У нас больше нет ничего общего, и им остается лишь пожалеть меня.

– Сейчас, если не ошибаюсь, ты жалеешь сама себя, – бросил Адам.

– Что с того? – с обидой фыркнула я. – Когда еще пожалеть себя, как не сейчас?

Раньше мы никогда не ссорились. Никогда. Но сейчас это казалось до странности необходимым. Как чистка чего-то ненужного. Но тут мы остановились у светофора, и я взглянула на Адама. Лицо у него было усталым и измученным, на лбу образовались глубокие складки. Что ни говори, это была не только моя потеря.

Потянувшись, я положила руку ему на плечо.

– Адам, прости меня.

– Ничего, Май, – со вздохом ответил он, – мы справимся.

* * *

Адам усадил меня в нашу необъятную кровать и протянул стакан воды с ибупрофеном. Проглотив таблетку, я устало откинулась на подушку. Адам, наклонившись, поцеловал меня в лоб.

– Я знаю, что для тебя это куда труднее, чем я могу себе представить, – шепнул он. – Я понимаю это, и я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – я открыла было рот, чтобы продолжить, но Адам легонько коснулся пальцем моих губ.

– А теперь поспи, – сказал он.

* * *

Уснула я еще до того, как он вышел из комнаты. Снилось мне Франни. Она сидела в своем кресле и весело улыбалась Адаму.

«У меня уже восемнадцать детей, Адам, – сказала

она. – Жаль, что ты решил тогда уйти».

6 Майя

Спустя два дня мы с Адамом сидели напротив моего гинеколога, Илейн. Разумеется, я бы предпочла находиться по другую сторону стола, беседуя в качестве врача со своими пациентами. Просвещая их. Успокаивая и убеждая. Однако борьба за ребенка вынудила меня саму занять это неудобное место.

Илейн внимательно пролистывала мою карту, которая лежала перед ней на столе. В какой-то момент она остановилась и стала изучать одну из страниц.

– Я тут кое-что обнаружила во время осмотра, – заметила она, – и выяснила к тому же, что вы не ответили на этот вопрос в своей анкете, которую мы заполняли пару лет назад.

– Что за вопрос? – поинтересовалась я.

– Вы когда-нибудь делали аборт? – взглянула она на меня поверх очков.

Я помедлила. Прежде меня об этом не спрашивали, особенно в присутствии Адама.

– Нет, – ответил за меня Адам.

– Почему вы об этом спрашиваете? – взглянула я на Илейн.

– Видите ли, у вас на матке видны шрамы, которые остаются иногда после аборта. Это они могут препят-

ствовать зачатую и вынашиванию ребенка. Но раз уж вы не делали аборт, то проблема не в этом...

– Делала, – я не собиралась больше молчать. – Я делала аборт.

– Что?! – Адам невольно отклонился, словно обжегшись моими словами. – Когда?

– Еще подростком, – я смотрела на Илейн, однако чувствовала, как изумленный взгляд Адама буквально прожигает мне лицо.

– Были какие-то осложнения? – поинтересовалась она. – Инфекция?

Я вспомнила боль, которой, казалось, не будет конца. Боль, которую я проигнорировала, поскольку в то время меня волновали вещи поважнее.

– Не думаю, – ответила я. – Пожалуй, боль была слишком сильной, но в том возрасте мне и в голову не пришло спрашивать о симптомах.

В каком именно возрасте, я не стала упоминать. Четырнадцать лет. Отец сам отвез меня тогда в клинику. Я отчетливо запомнила нашу поездку домой, хотя и постаралась впоследствии выкинуть тот день из головы. За всю дорогу отец не проронил ни слова, и я уже стала бояться, что он меня разлюбил. Лишь перед тем, как повернуть на нашу улицу – незадолго до момента, который оборвал его жизнь и разбил мою вдребезги, – он тихонько сказал: «Майя, детка,

это останется между нами. Будет нашим с тобой секретом».

О боже. Все мои невыношенные дети. Оказывается, это моя вина. Конечно, я и раньше думала о том аборте, когда отчаянно боролась за очередного ребенка. И я никогда не забывала того, первого.

– Значит ли это... – Я сглотнула, не в силах задать мучивший меня вопрос.

Адам, напряженно застывший в кресле, встрепенулся и сжал мою руку. Я была так признательна ему за этот жест!

– Получается, надежды нет? – собралась я наконец с силами. – Даже если мне удастся забеременеть, все закончится очередным выкидышем?

– Необязательно, – ответила Илейн. – Но это, скорее всего, объясняет три прежних неудачи. Вам нужно поговорить с доктором Галлахером о том, стоит ли пытаться вновь. Необходимо взвесить все «за» и «против».

Итак, еще несколько месяцев меня будут накачивать гормонами. Потом попытка оплодотворения. Надежда появляется. Исчезает. Снова появляется. Но все это ничто по сравнению с тревогой, которая поселяется в тебе с момента беременности – с ожиданием этой тянущей боли в животе. Не знаю, смогу ли я решиться на это вновь.

Когда мы добрались до машины, я чувствовала себя совершенно разбитой. В полном молчании мы отъехали от парковочной площадки.

– Прости меня, – сказала я наконец.

Адам даже не взглянул в мою сторону.

– Почему ты не сказала мне про аборт? – спросил он.

Я помедлила, подбирая слова.

– Это то, о чем мне не хотелось вспоминать. К тому же считается, что аборт не влияет на способность к воспроизводству. Но я думала... я боялась, что мои неудачи связаны именно с ним. В то время я с легкостью забеременела, а вот теперь, во взрослом возрасте, у меня с этим проблемы. И мне всегда казалось, что это как-то связано... – Голос у меня прервался. Я и прежде винила себя в том, что это из-за меня мы не можем завести ребенка, и боялась, что Адам, сознательно или нет, тоже упрекает меня в чем-то подобном. А теперь у него появился для этого конкретный повод.

– Прости меня, – снова повторила я.

– Ради бога, Майя, хватит извиняться. Если я и сержусь, то из-за того, что ты мне ничего не сказала. Три

года мы пытаемся завести ребенка – без особого, надо сказать, успеха, – и вот теперь я узнаю, что ты скрыла от меня такую важную вещь.

– Я знаю, – меня так и подмывало сказать «прости», но я удержалась. – Я не сознательно скрывала от тебя аборт, просто мне очень не хотелось вспоминать о нем. Мне... – Отвернувшись, я слепо уставилась в окно. Я и сама понимала, что никакие объяснения тут не помогут.

Адам не стал спрашивать о том, сколько лет мне тогда было и кто отец ребенка, за что я была ему искренне признательна. Мне не хотелось даже думать об этом. То, что я тогда пережила, повлияло не только на мою способность вынашивать детей: вся моя жизнь разделилась надвое.

Как знать, не думал ли Адам сейчас о том, что еще я утаила от него помимо аборта? И не намечалось ли там других – более неприятных – секретов?

Если так, то он был абсолютно прав.

7 Ребекка

– Останешься на ночь? – поинтересовалась Ребекка, в то время как Brent парковался у массивного викторианского дома, в котором жили она и Доротея.

– А ты бы что предпочла? – спросил он, распахивая дверцу.

Ей было все равно, лишь бы он оставлял ей часть личного пространства. Прошло уже два дня после возвращения из Сан-Диего, а Ребекка еще не оправилась от конференции. Избыток еды и нехватка физических упражнений.

– Надо сказать, – заметила она, направляясь к наружной лестнице, которая вела к комнатам на втором этаже, – что четыре дня бесконечных встреч, речей и драматичных сцен изматывают больше, чем месяц активной работы.

– Тут ты права, – хмыкнул Brent.

На первом этаже горел свет. Казалось, будто рассвечены сразу все комнаты.

– Дот еще не спит, – промолвила Ребекка, поднимаясь по ступеням. – Пошли поздороваемся.

Они остановились на первой площадке, и Ребекка постучала в дверь, ведущую на кухню. Ответа не последовало. Тогда она потянула за ручку – Доротея

терпеть не могла замков – и просунула голову внутрь.

– Дот, ты здесь? – окликнула она.

– В столовой, – услышался голос Доротеи.

Через кухню они направились в глубь дома. Стены здесь были бирюзовыми, мебель – фиолетовой, посуда – ярко-желтой, а кухонные приборы – белыми. Дело рук Луизы. В свое время Доротея дала той полную свободу. И хотя при жизни Луизы она жаловалась порой на сочетание красок, после смерти подруги оставила тут все как есть. Ребекка была этому только рада. Если бы ей вздумалось вдруг украсить свое жилье, она бы точно использовала броскую палитру Луизы.

Луиза отличалась немыслимой аккуратностью, однако ее художественная натура требовала красок – чем ярче, тем лучше. Бедняжка точно перевернулась бы в могиле – не завещай она своего тела госпиталю, – если бы увидела, во что превратилась ее любимая столовая, подумала Ребекка, осторожно пробираясь между коробок и стопок с журналами.

Доротея, сидевшая за столом, что-то печатала на одном из ноутбуков. Второй стоял неподалеку.

– Сколько времени? – поинтересовалась она, поднимая голову.

Седые пряди волос выбивались из небрежно заплетенной косы, что ничуть не портило присущей ей привлекательности. Несмотря на то что Доротее ис-

полнилось уже шестьдесят семь, время от времени в ней проглядывала та красotka, какой она была в молодые годы.

Брент, наклонившись, дружески поцеловал Доротею в щеку.

– Что ты тут высматриваешь? – спросил он, вглядываясь из-за ее плеча в экран ноутбука.

– Смотрю, как формируются тропические штормы, – ответила она.

Ребекка тоже устроилась за столом, придвинув к себе другой компьютер.

– Тебя что-то тревожит? – поинтересовалась она, включая Интернет.

Доротея слегка поводила курсором, внимательно изучая экран.

– Пока что трудно сказать. Так, пара деталей... но, может, и обойдется.

Столовую Луиза сделала красной. Стены здесь отличались насыщенно-алым, а неподалеку от стола висела картина – огромный холст с абрикосами. Она-то и придавала помещению особый шарм. Именно столовая нравилась раньше Ребекке больше всего. Но Доротея умудрилась так захлупить комнату, что та потеряла всю свою привлекательность. Ребекку тревожило порой то безразличие, которое охватило Доротею после смерти Луизы. Она по-прежнему отлича-

лась ясным умом и живой натурой, однако то безразличие к бытовым условиям, которое во многом помогало ей в зонах бедствия, казалось чем-то неуместным в Северной Каролине. Доротея перестала принимать у себя посторонних – разве что Ребекку с Брентом да еще несколько сотрудников DIDA, поскольку не могла заставить себя привести дом в порядок. Когда Ребекка займет место главы DIDA, ей придется разбирать и этот кавардак.

– В следующий раз, когда нам придется разбираться с очередным катаклизмом, привлечем к работе твоего зятя, – бросила Доротея Ребекке. – Смотрю, он так и рвется в бой.

– Только если это займет не больше двух недель, – напомнила она Доротее. Сомнительно, чтобы Адам смог отпроситься в больнице на более долгий срок. От добровольцев требовалось, чтобы они тратили на работу в DIDA только две недели в год, но Доротея склонна была пренебрегать подобной мелочью.

– Мы как раз от них, – заметил Брент, пристально вглядываясь в экран.

– Как там Майя? – поинтересовалась Доротея. – Поправляется?

– По-моему, ей гораздо лучше, – заметил Брент, никогда не отличавшийся особой проницательностью.

– На самом деле ей хуже некуда, – сказала Ребекка.

– Мне показалось, что с ней все в порядке, – нахмурился Brent.

– Уж я-то хорошо ее знаю, – пожала плечами Ребекка.

Майе ничего не стоило встретить вас ослепительной улыбкой, но даже под ней Ребекка способна была разглядеть истину.

– Они оба сейчас в ужасном состоянии.

– Во всяком случае, – заметил Brent, – они собираются поужинать с нами в субботу вечером. Хотим опробовать этот новый бразильский ресторанчик. Присоединишься?

– Слишком много работы, – покачала головой Доротея. – Впрочем, это, должно быть, неплохое местечко.

Ребекка и подумать не могла, что Майя согласится на бразильский ресторан: ее сестра старалась избежать этой части Дарема. Что и говорить, опасный райончик. Но Адам буквально зажегся.

– Чудесно! – воскликнул он. – Я и сам хотел туда заглянуть.

Увидев, каким светом озарилось лицо Адама, Ребекка вдруг поняла, насколько подавленным он был с самого начала. Майя, должно быть, тоже это заметила, поскольку кивнула в знак согласия. *Пытается угодить ему*, подумала Ребекка. *Пытается хоть как-то облегчить ему потерю ребенка*. Она уже хо-

тела предложить другой ресторан, но вспомнила, как Brent обвинил ее в том, что она держит Майю за маленькую, и промолчала. К тому же ей самой не терпелось сходить в этот ресторанчик.

– Ну так что, вы женитесь или нет? – спросила Доротея с привычным для нее отсутствием такта. Она бросила взгляд на Ребекку, затем на Brentа, и Ребекка заметила, что в огромных глазах ее отражается карта ураганов, высвеченная на экране компьютера.

– Я еще не потерял надежды, – ответил Brent едва ли не робко. Прозвучало это так мило, что Ребекка невольно улыбнулась ему.

– Я сказала, что не вижу смысла в этих формальностях, – пояснила она.

– И как только ты ее терпишь? – Доротея, склонив голову набок, взглянула на Brentа.

– Все потому, что люблю ее, – рассмеялся тот.

Ребекка вновь перевела взгляд на карту. Ей было ясно в этот момент, что и она его любит. Любит как друга. Как парня, который будет бегать с ней посреди ночи по пустынным улицам Дарема. С которым можно покататься на велосипеде. Прыгнуть с парашютом. Который, не задумываясь, бросит дела и помчится помогать людям, пострадавшим от какого-нибудь цунами. Но будет ли она любить его в качестве мужа? Вот этого она не знала.

8 Майя

Мы с Ребеккой сидели на заднем сиденье в машине Брента, тогда как мужчины устроились впереди. Все они, кроме меня, болтали о DIDA. Ребекка, наклонившись вперед, оживленно вела беседу, ну а мужчины охотно ей поддакивали. Сама я даже не пыталась слушать. По-хорошему, мне не стоило принимать это приглашение. Живот еще слегка болел после выкидыша, да и кровотечение не совсем прошло. Какой смысл ехать в таком состоянии в дебри Дарема, чтобы попробовать пищу, которая мне явно не понравится? Но Адам проявил неожиданный энтузиазм, а Brent завтра утром улетал в Эквадор, где за день до этого произошло землетрясение, стершее с карты пару деревень. Ну как я могла отказаться?

Было еще достаточно светло – достаточно для того, чтобы я видела, как меняется, квартал за кварталом, наш город. Я перевела взгляд на сестру. Ребекка, небрежно облокотившись о переднее сиденье, повествовала о том, как летала с миссией DIDA в Южную Америку. В последний раз их автобус захватил какой-то грабитель: угрожая пассажирам мачете, он заставил их отдать всю наличность. *Чудная история, Бек, подумала я. Самое то для Брента, который*

улетает не далее как завтра утром. Но Brent весело хохотал – как, впрочем, и Адам. Только я чувствовала себя так, будто сама была в этом автобусе. Только я видела парня, который неумолимо приближался ко мне, поигрывая мачете. Я быстро достала кошелек и высыпала на пол автобуса все деньги. *Забирай их. Они твои.*

Прошлым вечером, когда Brent предложил нам этот ресторан, я не сомневалась, что Адам откажется и предложит что-нибудь другое, в местечке попримечнее. Однако этого не произошло: то ли он забыл о моих страхах, то ли все еще сердился на меня. Впрочем, я и сама была не ребенком. Если уж мне так не хотелось идти, надо было отказаться, вот и все. Но я промолчала. Адам был на взводе, и я не хотела давать ему еще один повод для нервов – даже такой пустяковый. Он и так держался со мной очень холодно после нашего визита к Илейн. Я вновь и вновь просила у него прощения за то, что умолчала об аборте. А что еще мне оставалось делать? За свою жизнь я отчетливо усвоила одну вещь: невозможно изменить прошлое, как бы сильно вам этого ни хотелось.

– Единственный раз, когда я была в Бразилии, – донесся до меня голос Ребекки, – друзья заказали мне такое блюдо в ресторане. Оказалось, что это вареный аллигатор.

Прекрасно, чуть не вырвалось у меня. Так с какой стати мы направляемся в бразильский ресторан?

Мы проехали мимо винного магазинчика, у витрины которого красовалась группка размалеванных девиц – ясное дело, проституток.

– А вот и он, – Brent махнул рукой в сторону крохотного здания со стеклянным фасадом, которое было зажато между ломбардом и магазином с дисками.

– Вот *это*? – судя по голосу, Ребекке ресторанчик явно понравился.

Вывески над дверью не было, и только в витрине, на куске картона, красовалась надпись: *Ресторан*.

– Именно, – кивнул Brent. – Они только открылись и не успели еще обзавестись названием.

– Круто, – заметил Адам.

– Кто-нибудь видит парковку? – спросила я, с тревогой вглядываясь в окно. Мне не хотелось бродить по этому району больше, чем требовалось.

– Ничего похожего, – ответил Brent, оглядывая окрестности.

Мы проехали квартал. Затем еще один.

– Пожалуй, удача сегодня не на нашей стороне, – сказала я. – Может, лучше...

– Вот она! – воскликнул Brent.

Он решительно повернул в сторону тротуара и чуть не раздавил мотоцикл, который стоял прямо на въез-

де в парковку.

– Что за черт! – вырвалось у него. – Парень умудрился занять сразу два места!

– Да ладно, он же крошечный! – возразила моя сестра. – Давайте его подвинем!

Не успела я понять, что происходит, а они с Адамом уже выскочили из машины и с хохотом откатали мотоцикл в сторону. Я наблюдала за легкостью их движений, за бьющей через край энергией и пыталась припомнить, когда я в последний раз видела своего мужа смеющимся. Пожалуй, я поступила правильно, согласившись на эту поездку. Мне хотелось видеть Адама улыбающимся, даже если эта улыбка предназначалась не мне.

После того как мотоцикл отодвинули, Brent умудрился втиснуть машину на этот крохотный пяточок. Мы находились прямо перед магазином париков. В витрине красовались головы манекенов – в большинстве своем темнокожие – с нахлобученными на них париками.

Адам помог мне выбраться из машины.

– Знаешь, Майя, – сказал он с явным сочувствием, – нам стоило посадить тебя перед рестораном. Как ты, готова для такой прогулки?

Физически, имел он в виду, а физически я чувствовала себя в полном порядке.

– Я справлюсь. – Промолвив это, я устремилась вперед, стараясь побыстрее добраться до места.

– Готов спорить, – заметил Brent, когда мы проходили мимо магазина, – что эта женщина здорово проголодалась.

* * *

Ресторанчик, узкий и длинный, был забит до отказа, но нам все-таки удалось найти столик у дальней стены. По пути к нему я заметила женщину, которая работала со мной в больнице. Та приветливо помахала рукой. При виде ее я немного приободрилась. Теперь уже идея отправиться на ужин в эту часть Дарема не казалась мне такой идиотской. Понемногу я стала присматриваться к постоянным посетителям. Одни – в щегольских костюмах, другие – только что не в лохмотьях. Белые, черные, смешанных кровей. Некоторые, должно быть, чистокровные бразильцы, пришедшие сюда отведать пищи, которая напоминала им о доме.

Мы с Ребеккой устроились возле стены, лицом к прочей публике. К тому моменту, когда Адам с Brentом уселись напротив, я уже начала расслабляться. Пожалуй, здесь не так уж и плохо. Мне нравилась эта оживленная атмосфера. Нравилась смех и пря-

ные ароматы.

Меню было написано от руки и по-португальски. Рядом красовались не слишком удачные фотографии блюд. Адам и Ребекка склонились над своими листками, пытаясь правильно прочесть эти экзотические названия. Столик был маленьким, так что они едва не соприкасались головами. Каштановые волосы их казались на удивление похожи – одного оттенка и едва ли не одной длины: слишком короткие у Ребекки и слишком длинные у Адама.

– Я хочу вот это, – Ребекка ткнула пальцем в одну из фотографий. – По-моему, это самое причудливое блюдо во всем меню.

С фотографии на меня смотрела горка розового мяса, покрытого какими-то зелеными листьями.

– Нет уж, мне больше нравится вот это, – рассмеялся Адам.

По правде говоря, я была довольна, что он сумел хоть тут устоять перед чарами Ребекки. Я-то знала, кого мне следует благодарить за то, что Адам решил присоединиться к DIDA. Меня всегда радовало, что мой муж и Ребекка прекрасно ладят друг с другом. Я любила сестру, но та порой была слишком неудержима.

Заказав себе пиво, мы продолжили изучать меню. Адам многозначительно поднял бутылку.

– Твое здоровье, – кивнул он Бренту. – Придется тебе на время забыть про холодное пиво.

Брент драматически застонал.

– А ведь там будет чертовски жарко, – заметил он.

– Следующая поездка за тобой, зятек, – Ребекка чокнулась с Адамом своей бутылкой.

– Это угроза или обещание? – поинтересовался тот.

– И то и другое, – хмыкнула она.

Я увидела афроамериканку с девочкой на руках, которая уверенно шагала в нашем направлении. Сначала мне показалось, что она направляется в туалет, но женщина с широкой улыбкой смотрела прямо на меня.

– Твоя знакомая? – шепнула мне Ребекка.

Если честно, я понятия не имела, кто это.

– Доктор Уорд! – воскликнула женщина, и на мгновение мне показалось, что она обращается к Ребекке. Однако незнакомка по-прежнему смотрела на меня.

– Привет! – Я отчаянно пыталась вспомнить, кто же это.

И тут мой взор упал на девочку, которая сидела у нее на руках.

– Таниса! – воскликнула я, вскакивая со стула. Я потянулась к девочке, и Таниса охотно пошла ко мне на руки, как будто не связывала меня с болью от операции, которую ей пришлось выдержать год назад. К

себе она прижимала игрушечную панду.

– Как же ты выросла, малышка! – я с нежностью поцеловала ее в щеку.

– Я первая увидела вас, а мама сказала, нет, это не вы. Но это действительно вы!

– Ты права, это я. Как поживаешь, детка? Как твоя ручка?

– Хорошо, – она опустила голову мне на плечо, словно бы собираясь отправиться со мной домой. Я без труда могла припомнить рентгеновский снимок левой руки Танисы, которую та повредила, упав с велосипеда. Что-что, а такие вещи я редко забывала.

– Вы столько значите для нас, доктор Уорд, – сказала мать Танисы.

Я никак не могла припомнить ее имя. Фамилия Танисы была Фландерс, однако женщину звали как-то иначе.

– Я рада, что мне удалось вам помочь, – я с неохотой протянула девочку матери. На Танисе был свитер, но я легонько пробежала пальцами по ее руке, вспоминая оставшийся от операции шрам.

Ребекка приветливо махнула женщине рукой.

– Я – сестра вашего доктора, Ребекка.

– Ох, прошу прощения, – запоздало промолвила я. – Это Brent Грир и мой муж Адам Поллард. А это...

– Люси Шарп, – мать Танисы спасла меня от заме-

шательства.

– Мне нравится твоя панда, Таниса, – заметил Адам. – Это мальчик или девочка?

Таниса глянула на игрушку, как будто видела ее впервые.

– Девочка, – сказала она.

– Как же ее зовут? – поинтересовался Адам.

– Таниса.

Все рассмеялись. Девочка тоже довольно улыбнулась.

– Вот здорово! – Адам смотрел на нее с наигранным восхищением. – Так ты ни за что не забудешь, как ее зовут, правда?

Как же странно было наблюдать за Адамом в компании других людей! Я и забыла, каким веселым и раскованным он может быть. Раньше он был таким и со мной. Но теперь вся наша жизнь крутилась вокруг вопросов зачатия и беременности. Необходимо было как можно скорее изменить это, но Адам, я знала, не собирался сдаваться. Ребенка он ждал больше, чем восхода солнца.

– Как вам это местечко? – спросила Люси Шарп. – Вы еще ничего не заказали? – добавила она, окинув взглядом наш пустой стол.

– Нет пока, – ответила я.

– Что вы порекомендуете? – поинтересовался

Брент.

– Да все, чем можно наполнить желудок. Попробуйте вот это жаркое по-бразильски. Я и представить не могла, что мне понравится бразильская пища. Невестка чуть ли не силой затащила меня сюда пару недель назад, зато теперь я хожу в этот ресторан каждый день.

В этот момент к столику подошла официантка, и Люси Шарп отступила назад.

– Прошу прощения, если помешала, – заметила она, – но Таниса непременно хотела с вами поздороваться.

– Я рада, что вы ее послушали. Пока, Таниса.

Девочка вновь потянулась ко мне, и мать наклонилась, чтобы та смогла поцеловать меня в щеку.

У меня лучшая в мире работа, подумала я, наблюдая за тем, как они возвращаются к своему столику. На душе у меня было легко и радостно. Вдобавок я так проголодалась, что расправилась бы сейчас даже с мясом аллигатора.

* * *

Еда и правда оказалась замечательной. Очередь дошла уже до кокосового пирога, когда я вдруг заметила, что поток посетителей начал уменьшаться.

– Я здорово набрался, – признал Brent со счастливой улыбкой на лице.

Он и правда был уже хорош. Да и Адам, впрочем, не сильно от него отличался. Глаза у него слегка остекленели, а улыбка, не сходявшая с лица большую часть вечера, сползла немного на один бок.

– Ладно, я поведу, – сказала Ребекка. – Хотя я так набила желудок, что могу просто не влезть за руль.

Адам что-то бросил в ответ, но я его уже не слушала. Мой взор был прикован к мужчине, который только что вошел в ресторан. Белый парень с темными волосами, в футболке и бежевых брюках. Он замер возле двери, внимательно оглядывая полупустой зал. Было в нем что-то такое, отчего по спине у меня побежали мурашки.

Вот он вострепнулся и зашагал к нам – по крайней мере, мне показалось, что он направляется к нашему столику. Но затем я увидела, что глаза его – эти *холодные голубые глаза* – прикованы к двум мужчинам, сидевшим прямо перед нами. Адам, должно быть, сказал что-то забавное, поскольку Brent с Ребеккой расхохотались, но я нервно опустила ложку и с тревогой схватилась за краешек стола.

Кому-кому, а мне было прекрасно известно, как быстро все может произойти. Мужчина вскинул руку, в которой мелькнул пистолет. Последнее, что я заме-

тила перед тем, как он нажал на курок, – татуировку в виде звезды на его указательном пальце.

9 Мая

Не успела я вскрикнуть или спрятать голову, как прогремел выстрел и мужчина, сидевший за соседним столиком, судорожно дернулся и обмяк. Вот тут-то я закричала – совсем как двадцать лет назад, на подъезде к дому. Но на этот раз я была не одна. В маленьком ресторанчике началась настоящая паника. Я съежилась, стараясь казаться как можно незаметнее, и почувствовала, как Ребекка прикрыла меня своим телом, будто ширмой. Руки у меня были прижаты к ушам, что не помешало мне услышать топот ног, бегущих к двери.

– Держите его! – раздались крики. – Хватайте его!

Люди в спешке роняли стулья, и те с грохотом падали на пол.

– Звоните девять-один-один! – донесся до меня голос Адама.

Ребекка села, и я осторожно выпрямилась. Желудок плотным кольцом сжался вокруг той экзотической пищи, которую я успела съесть. Brent и Адам склонились над раненым, который безвольной кучей лежал на полу. В следующее мгновение к ним присоединилась и Ребекка. Сама я застыла на стуле в немом оцепенении. Столик мешал моему обзору, так что я улав-

ливалась лишь обрывки разговора.

– Дави сильнее, – раздался голос сестры.

– Не могу нащупать пульс, – произнес Адам.

– Парень мертв, – это уже Brent.

Может, стоило попытаться помочь им? Какое там. Не зря же эти трое принадлежали DIDA, а я нет. Мне нравилось держать все под контролем. «Майя занимается тем, что сшивает крохотные косточки» – так обычно представлял меня Адам новым знакомым. Я всегда любила фиксировать то, что поддавалось фиксации.

Мой взор упал на тарелку с десертом, и я тут же увидела пятно крови на остатках пирога. Дыхание у меня перехватило, и я из последних сил бросилась к женскому туалету. Крохотная комната оказалась заполнена испуганными, рыдающими женщинами, которые дружно завопили, стоило мне распахнуть дверь. Я глянула на это море разгоряченных тел, и мне вновь чуть не стало плохо. Вывалившись в коридор, я устало опустилась на грязный плиточный пол.

Горло у меня словно перехватило. *Эти холодные глаза. Неумолимый прицел.* Жадно глотая воздух, я опустила голову к коленям. Изо всех сил боролась я с темнотой, которая уже застилала мне глаза. Никогда прежде я не падала в обморок – ни при первой работе с трупом, ни во время студенческой практики в опера-

ционной. А вот теперь сознание грозило покинуть меня. *Он ушел*, сказала я себе. *Опасность миновала*.

За шумом голосов и прочей суеты я услышала отдаленный вой сирен. Женщины плотной толпой высыпали из туалета. Они обтекали меня, стараясь не наступать мне на ноги. Я сидела, крепко прижав к груди колени и вслушиваясь в гул сирен, которые становились все громче. Судя по всему, машины полиции и «Скорой помощи» были уже где-то возле ресторана. Очень скоро к голосам в зале добавились новые.

Прошло еще несколько минут, и в коридоре показался Адам. Присев передо мной на корточки, он осторожно коснулся моей руки.

– Все в порядке? – спросил он с тревогой в голосе.

Я кивнула.

– Парень умер, – добавил он.

Я вновь кивнула.

– Мне очень жаль, Май, – сказал Адам. – Все это совсем некстати. Я знаю, ты и так чувствуешь себя хуже некуда.

Он оглянулся, будто за спиной у него был ресторанный зал, а не аляповато раскрашенная стена, после чего присел напротив меня. Ему даже не потребовалось отпускать мою руку – настолько узким был этот коридорчик. Как же мне нравились его прикосновения! За последнюю неделю я не раз задавалась вопросом,

прикоснется ли он ко мне когда-нибудь еще.

– Полицейские заперли двери. Они желают опросить всех, кто был в это время в зале, – продолжил Адам. – Прежде всего это касается тебя и Бекки, ведь вы смотрели прямо на стрелка. Но если ты не готова... Я скажу им, чтобы тебя оставили в покое. Что ты шесть дней назад потеряла ребенка. Съездишь потом в полицейский участок и...

– Я в порядке.

Мне хотелось быть сильной ради Адама. Мне требовалось его восхищение, а не жалость.

Адам повернул руку, и пальцы наши переплелись.

– Эти несколько минут были такими сумасшедшими, – заметил он, – и тут вдруг ты исчезла. Я почему-то подумал, что тебя убили... Даже заглянул под стол. У меня просто сердце остановилось.

Голос его дрожал от сдерживаемых эмоций, и я поняла, что он по-прежнему любит меня. Только теперь мне стало ясно, как сильно в последнее время я стала сомневаться в его любви.

– Со мной все в порядке, – повторила я, поднимаясь на ноги. – Пойду поговорю с полицией.

* * *

Два часа спустя мы в унылом молчании ехали до-

мой. Машину вел Brent, который к этому времени полностью протрезвел.

Он высадил нас с Адамом на подъезде к дому, и мы зашагали к парадной двери. В это мгновение хлопнула дверца машины. Я оглянулась и увидела Ребекку, которая бежала к нам по садовой дорожке.

– Хочу поговорить минутку с сестренкой, – бросила она Адаму.

Он кивнул, вытаскивая из кармана ключи.

– Жду тебя дома, Май, – сказал он мне.

В свете фонаря на лице Ребекки отчетливо читалась тревога.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– Все хорошо, – кивнула я.

Я огляделась по сторонам в надежде, что яркий свет, бьющий из окон, и вид пышной зелени изгонят из памяти зрелище окровавленного пирога.

– Когда Brent предложил этот ресторан, я боялась, что тебе не захочется идти, – заметила Ребекка. – Я знаю, ты не любишь заглядывать в эту часть города. Но поначалу все шло просто здорово. А потом вдруг случилось вот *это*, – она покачала головой. – Ужасно, что и говорить.

– Со мной все в порядке, – повторила я.

Ребекка глянула в сторону машины, затем вновь повернулась ко мне.

– Нам так и не удалось поговорить о ребенке после моего возвращения. Я имею в виду, нам вдвоем. Давай как-нибудь встретимся, прежде чем я отправлюсь в очередную командировку?

В тот момент я вовсе не думала о ребенке. И мне не хотелось, чтобы мысли о малыше – *моем сыне* – мешались с событиями этой ночи. Но Ребекка ждала от меня ответа.

– Ладно, – сказала я. – В действительности... – я взглянула на дверь, за которой совсем недавно скрылся Адам, – нам нужно решить, стоит ли пытаться вновь.

– Или усыновить.

Я покачала головой:

– Не думаю, чтобы Адам согласился на это.

– А в чем проблема? – с долей раздражения заметила Ребекка. – Пожалуй, мне стоит поговорить с этим парнем – вбить в его голову капельку здравого смысла.

– Не надо, прошу тебя. Мы как-нибудь сами договоримся. Хорошо?

Ребекка провела рукой по своим коротко стриженным волосам, вновь глянула в сторону машины.

– Не самое удачное начало командировки для Brenta, – промолвила она. – Впрочем, работая на DIDA, привыкаешь к разного рода неожиданностям.

Не стоило ей говорить этого сейчас, когда Адам устроился добровольцем в DIDA. Должно быть, Ребекка тоже это сообразила.

– Но знаешь, Майя, – быстро добавила она, – за годы моей работы там со мной не случилось ничего подобного.

Мне не хотелось говорить о DIDA. На языке у меня вертелся вопрос: *сегодняшний случай не напомнил тебе о том вечере, когда погибли папа с мамой?* Но я бы ни за что не спросила ее об этом. Наши отношения с Ребеккой никогда не отличались простотой. В чем-то мы были близки друг другу. В чем-то – весьма далеки. И если она тоже вспомнила о прошлом, я никогда об этом не узнаю.

– Тебе нужно поспать, – заметила она. – Есть у тебя дома ксанакс?

– Где-то был.

Она легонько коснулась моей щеки – совсем как мать прикасается к ребенку. Ребекка никогда не отличалась особой нежностью, и я была тронута этим жестом. Затем мы обнялись.

– Люблю тебя, – шепнула она.

– И я тебя люблю.

Мы постояли так с минуту, не желая разрывать объятия. Но как бы крепко ни прижимала я ее к себе, та давняя ночь вклинилась между нами, будто каменная

стена.

10 Ребекка

Ребекка удобно расположилась в «Старбаксе», на своем любимом красном стуле. Туфли она скинула и сидела, поджав под себя ноги. На столике перед ней стоял двойной американо. Ребекка читала книжку, которую написал парень из Красного Креста – один из тех, что работали в Китае после землетрясения. Она и сама работала в Китае после землетрясения, но сегодня ей никак не удавалось сосредоточиться на книге. Она злилась, и даже кофе тут не мог помочь.

Землетрясение в Эквадоре оказалось куда более разрушительным, чем можно было предположить, и Ребекке не терпелось отправиться на место. Brent уже неделю находился в тридцати милях от эпицентра. Вчера ему наконец удалось позвонить по мобильному. «Скажи Дот, что ты нужна здесь», – заявил он. Им отчаянно не хватало людей, однако Доротея не захотела ее отпускать.

– Сначала посмотрим, что на уме у этих дьяволов из Атлантики, – сказала она Ребекке в ответ на просьбу Brentа.

Тропический шторм, блуждавший на приличном расстоянии от Бермуд, получил название урагана Кармен. По мнению Ребекки, его и ураганом-то труд-

но было назвать: так, пушистая белая амеба на карте погоды. Никто понятия не имел, где именно Кармен обрушится на берег – если обрушится вообще. Возможно, в Южной Каролине. А может, дальше к северу. Однако шторм казался настолько жалким, что эвакуация была исключительно добровольной. Ребекка знала, что большинство жителей останется на месте – понаблюдать за волнами и ощутить себя в центре опасности (сознавая в то же время, что ты надежно защищен). Дарему и прочей части штата были обеспечены проливные дожди и пара дней ветреной погоды, и только. Так неужели она застряла в Северной Каролине ради возможных ливней? Впрочем, у Дот всегда было шестое чувство насчет штормов. Ребекка порой думала, что та перепутала с призванием – с ее-то способностями надо было идти в метеослужбу.

– На самом деле меня беспокоит вовсе не Кармен, – сказала ей этим утром Доротея, привычно расположившаяся в своей столовой, которая служила ей еще и кабинетом. – Видишь этих ребят к северу от Гаити? – она ткнула пальцем в две другие амебы. – Вот их-то и стоит опасаться.

– Ладно, тебе лучше знать, – сдалась Ребекка.

И вот теперь она попросту убивала время: бегала, ходила на тренировки, просматривала почту и помогала Доротее с бесчисленными административными

вопросами.

Прошлым вечером ей наконец-то удалось побыть пару часиков наедине с Майей. Устроившись за кофе в том же «Старбаксе», они смогли поговорить о детях, и Ребекка дала сестре дельный, как ей казалось, совет: не стоит торопиться с решением о новой беременности и ребенку вообще. Майе нужно дать Адаму время погоревать, прежде чем заводить разговор о том же усыновлении. Может, к тому времени он будет готов.

Майя выслушала ее в своей невозмутимой манере, глядя не столько на Ребекку, сколько на чашку с кофе. Подождав, пока Ребекка выскажется до конца, она подняла наконец голову.

– Я знаю, Бек, что ты хочешь мне только добра, – сказала Майя, – но вряд ли ты можешь понять, каково это – потерять ребенка.

Ребекка и сама не знала, почему слова сестры ранили ее так сильно. Может, потому, что в них была правда. Она действительно *не могла* понять. Ей хотелось рассказать Майе о той странной фантазии, которую она пережила в комнате Брента – о ребенке, прижатом к груди, о невосполнимом чувстве утраты, – однако она вовремя удержалась. Ее потеря была вообразимой. Потеря Майи – реальной.

– Пусть так, – сказала она, – но я хочу понять.

– Все это создает напряжение между мной и Адамом, – пояснила Майя.

Ребекка нахмурилась. Что значит «это»? Майя порой бывала такой уклончивой: она все ходила вокруг да около, вместо того чтобы сразу обозначить проблему.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она. – Все из-за того, что он отказывается от усыновления?

– Отчасти, – ответила Майя. – Я о многом тебе не рассказывала, потому что не хотела тревожить, но с момента первого выкидыша наши отношения стали меняться.

Ребекка припомнила, как обедала с Адамом несколько недель назад и тот говорил ей о Полливог. Каким счастливым он тогда выглядел. В тот момент она вдруг осознала, сколько радости ушло из него за последние пару лет.

Затушив сигарету, она наклонилась вперед.

– Майя, у вас прочные отношения, – заметила она. – У всех пар бывают взлеты и падения.

Сказав это, Ребекка замерла в ожидании, что Майя вновь заявит ей примерно то же: она не в состоянии понять, поскольку никогда не была замужем. Однако Майя лишь пожала плечами.

– Я знаю, – промолвила она, – но все это выглядит... не очень здорово.

Адам и Майя. Майя и Адам. Они были совершенно не похожи друг на друга: экстраверт и интроверт, шуточный и серьезная. Но вместе они составляли целое, сбалансированное существо. Ребекка не могла представить Майю без Адама. Она и свою жизнь не могла представить без такого зятя.

– Это лишь фаза, – заметила Ребекка, – и вы через нее пройдете. Ускорить ее нельзя – тут уж ничего не поделаешь. Но кое-что ты можешь изменить, и это касается твоей работы. Ты слишком много работаешь в последнее время.

Работа относилась к темам, которые она могла понять, и тут уж Ребекка чувствовала себя на твердой почве. Майя подменяла сейчас одного из коллег, который ушел в отпуск. Но его мог заменить кто-нибудь другой – из тех, у кого не было выкидыша пару недель назад.

– Ты же знаешь, в такие моменты мне нужно все время чем-нибудь заниматься, – возразила Майя.

Ребекка это знала. Работа всегда была для Майи способом справиться с трудностями. Вот и после смерти родителей, когда жизнь их полностью перевернулась, Майя с головой ушла в учебу. Учителя в школе возносили ее до небес. Майя всегда была хорошей ученицей – из тех, кому не приходилось зубрить помногу часов, чтобы получать отличные отметки. Ре-

Бекка, которой учеба давалась не так легко, неизменно завидовала сестре. Но после смерти родителей Майя еще усердней налегла на занятия, потратив на обучение в старших классах не четыре года, а три. Все с восхищением говорили о ее способностях, и никто словно бы не замечал того, что Ребекке пришлось пожертвовать годом в колледже, чтобы заменить сестре мать и отца. Она готовила, стирала и убиралась в доме, пока Майя становилась лучшей ученицей в своем классе.

Но главное, что изменилось в Майе после гибели родителей, – это то, что из счастливого и беспечно-го ребенка она превратилась в особу, боящуюся собственной тени. И это неудивительно, ведь тогда она тоже оказалась на линии огня. Кто бы не изменился, пройдя через такое?

Ребекка со вздохом закрыла книжку: за последние пятнадцать минут она не усвоила оттуда ни капли информации. Допив свой кофе, она решительно поднялась со стула. Пора пробежаться. Бег поможет изгнать тяжелые воспоминания.

Выйдя из магазина, она направилась в сторону машины. Ребекка шла быстро, словно стараясь оставить позади неприятные мысли, однако сделать это было не так-то просто. Весь прошлый вечер, пока они разговаривали с Майей, Ребекка вспоминала о стрельбе в

ресторане. Она ненавидела оружие и терпеть не могла ухаживать за теми, кто получил огнестрельное ранение. Тем не менее она делала это, пытаясь спасти им жизнь, с той одержимостью, которая выходила за рамки простого профессионализма. Прошло уже двадцать лет, но в каждом раненом она по-прежнему видела окровавленные тела своих родителей.

Происшествие в бразильском ресторане наверняка напомнило Майе о том вечере. Ребекка ясно видела панику в ее глазах. И даже через пару часов, обняв сестру на прощание, она почувствовала, что та дрожит. По молчаливой договоренности они никогда не обсуждали между собой убийство родителей, но Ребекка неизменно чувствовала свою вину перед Майей.

Она знала: сестре есть за что упрекнуть ее.

11 Майя

– Вот это да! – воскликнул Адам, удобно расположившийся в гостиной на диване. – Майя, ты только взгляни!

Я закрыла посудомойку и направилась в гостиную. Дождь за окнами лил сплошным потоком, и сгустившаяся тьма не позволяла разглядеть окружающих дом деревьев. Время уже перевалило за восемь вечера, и было непонятно, вызвана ли эта тьма одним ливнем или приближающейся ночью. В любом случае в такую погоду лучше сидеть в уютном доме. Чонси притулился у раздвижной двери, глядя на улицу с немой печалью.

Адам кивнул в сторону телевизора.

– Это в Уилмингтоне, – пояснил он. – Говорят, урагану уже присвоена четвертая категория.

Я уселась рядом на диване. Репортер, одетый в плащ с капюшоном, отчаянно цеплялся за фонарный столб под усиливающимися порывами ветра. Второй рукой он пытался прикрыть глаза от потоков дождя. Шум был такой, что он не говорил, а кричал в микрофон. Я прищурилась, всматриваясь в экран.

– Где это он? – спросила я. Уилмингтон находился в трех часах езды от нашего дома. Мне всегда нравился

этот приятный городок, расположенный на реке Кейп-Фир.

– Это, случаем, не Набережная?

– Верно, – ответил Адам. – Только послушай.

– ...не движется, – донесся до меня голос репортера. – Словно застыл в устье Кейп-Фир. На улицах сейчас никого нет, однако большинство жителей не успело эвакуироваться. Некоторые попытались это сделать, поскольку ожидается, что вот-вот на берег обрушится еще один ураган, Эрин. В этом-то и состоит проблема... – Он хлопнул рукой по капюшону, пытаясь удержать его на голове. – *Большая* проблема. Тут полно людей, которые хотели эвакуироваться и застряли прямо на дорогах – из-за наводнения и упавших деревьев. Они старались... выбраться, но оказалось слишком поздно. – Последовал очередной порыв ветра, и репортер еще яростнее вцепился в фонарный столб. – Никто не ожидал, что Кармен окажется такой разрушительной... И уж точно никто не ожидал, что она обрушится на берег именно здесь. Как я уже сказал, люди пытаются выбраться из города на машинах, но большинство крупных дорог и почти все мелкие уже оказались под водой. И если следующий шторм, Эрин, ударит в этом же месте, – он склонился, пытаясь увернуться от пролетевшего мусора, – если, говорю вам, Эрин ударит здесь же, мы получим

крупнейшую за последнее время катастрофу.

Чонси пристроился рядом со мной. Пес положил свою большую голову мне на колени, и я стала легонько поглаживать его короткую шерсть.

– Надеюсь, до следующего урагана еще далеко, и люди успеют уехать. – Я глянула в окно, но там по-прежнему царила непроницаемая мгла. Ветер и ливень не прекращались, и я с тревогой подумала о нашем дворе. Я не забыла про ураган Фрэн, ударивший по Северной Каролине вскоре после того, как я переехала в этот штат. Тогда я училась в медицинском колледже и жила в одной квартире с Ребеккой. До сих пор помню деревья, в беспорядке наваленные во дворах и на улицах города.

– Чего нам стоит ожидать? – спросила я у Адама. – Они не сказали?

Покачивая головой, он приобнял меня за плечи, и я вдруг ощутила глубокое облегчение. За исключением того момента в ресторане, когда мы сидели с ним в коридоре, Адам не проявлял ко мне особой нежности. Я старалась не принимать это слишком близко к сердцу, не желая ставить под сомнение наши отношения. И сейчас я с готовностью прильнула к нему. Мне хотелось вернуть былую близость. Хотелось поговорить с ним по душам. Раньше мы с легкостью разговаривали на разные темы. Однако я не решалась обсуждать с

ним то, что крутилось у меня в голове. Я чувствовала, что буду выглядеть в его глазах жалкой и смешной, тогда как Адам хотел видеть меня сильной и уверенной в себе. Вдобавок я здорово сердилась на него за то, что он отгородился от меня и моих проблем. Прежде я редко сердилась на мужа и теперь просто не знала, что с этим делать. В голове у меня постоянно крутилось одно и то же: потерянный ребенок, бывшая жена Адама, решившая все-таки завести детей, и мой аборт, о котором я ему никогда не говорила. Порой я думала: пора сесть и сказать ему: *прошу тебя, Адам, мне нужно это выплеснуть. Выслушай меня и не говори, что все у нас хорошо и мне не о чем беспокоиться. Прошу тебя.* Но я так ничего и не сказала. Мне было страшно, и я даже не знала толком, чего именно я боюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.